

се «походная жена» не у него, а у Чарноты). Автор не сомневался, что ради военных успехов Слащев пожертвовал бы кем угодно, и таким сделал своего Хлудова.

Интересно, что в 1925 году акционерное общество «Пролетарское кино» собиралось делать художественный фильм «Врангель» по сценарию Л. О. Полярного и М. И. Перцовича, причем Слащев был приглашен в качестве военно-технического консультанта, а также исполнителя роли «генерала Слащева-Крымского» (ординарца должна была сыграть его жена). Любопытно, что если во МХАТе предполагавшийся исполнитель роли Хлудова Н. П. Хмелев не обладал портретным сходством с прототипом, то сыгравший эту роль в киноверсии «Бега», снятой в 1970 году режиссерами А. А. Аловым и В. Н. Наумовым, актер Владислав Дворжецкий, случайно или нет, оказался очень похож на Слащева. Дворжецкий создал лучший на сегодня образ Хлудова — более убедительно трагедию больной совести палача не сыграл никто.

КРЫМСКОЕ СИДЕНИЕ: ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Слащеву, как мы помним, удалось отстоять Крым в тот период, когда остатки Добровольческого корпуса и Донской армии только приводили себя в порядок и были совершенно небоеспособны. Когда же основные силы Красной армии оказались связаны советско-польской войной, Врангель решил вырваться из Крыма.

Сергей Мамонтов вспоминал:

«После катастрофы Новороссийска генерал Деникин не мог больше оставаться командующим, его сменил генерал Врангель и оказался прекрасным организатором не только в рапортах, а в действительности. В короткий срок из остатков приехавших из Новороссийска он создал сплоченную армию. Провел важные реформы, касающиеся крестьян и земли. Он показал сильную власть. Грабежи в армии почти исчезли, зеленое движение ушло в подполье. Наступил порядок.

Конечно, у нас не было надежд победить большевиков своими силами. Но коммунисты воевали с поляками, и это оттягивало их главные войска. В центральных районах России постоянно возникали крестьянские восстания, особенно сильные около Тамбова. К сожалению, эти восстания происходили, когда наших войск поблизости уже не было, и мы им помочь не могли».

Советский военный историк Н. Е. Какурин так охарактеризовал стратегические замыслы Врангеля:

«Укрепив свое положение в качестве командующего, генерал Врангель деятельно принял за реорганизацию и приведение в порядок своей армии. Она была сведена им в три корпуса. Эта работа происходила в течение всего апреля и мая. Обстановка позволяла Врангелю затратить столь большой срок на подготовку к операциям. Советское командование в это время занято было уже в полной мере развернувшейся кампанией против поляков на Западном фронте и на крымском направлении держало первоначально в качестве заслона лишь одну слабую XIII армию в составе одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий (8000 штыков и сабель).

Тем временем попытки английского правительства устроить почетную капитуляцию для контрреволюционных вооруженных сил в Крыму не привели к положительным результатам. Советское правительство требовало безусловной сдачи. Врангель хотел заключения мира на условиях равенства обеих договаривающихся сторон. Продолжительное сидение в Крыму реорганизованной армии являлось неудобным по экономическим условиям. Огромная масса беженцев и войск, скопившихся в Крыму, начала уничтожать все его продовольственные запасы. Поэтому, открывая кампанию 1920 г. на Таврическом театре, генерал Врангель руководствовался не политическими и стратегическими, а исключительно продовольственными предпосылками... Командование в лице генерала Врангеля не предполагало развивать своих операций дальше линии Александровск—Мариуполь. В дальнейшем мыслилось связаться с украинскими повстанцами, поднять восстание на Дону и, таким образом, обеспечить свои фланги».

В целом врангелевское вторжение в Северную Таврию не преследовало далеких стратегических целей. Предполагалось, выйдя за Перекопский перешеек, захватить зерно и другое продовольствие и в случае опасности опять укрыться в Крыму. С точки зрения обороны полуострова это наступление никаких выгод принести не могло — скорее, наоборот, делало положение врангелевцев еще более рискованным. Немногочисленные белые войска оказывались растянутыми на расширяющемся фронте, который, однако, проходил достаточно близко к крымским перешейкам, чтобы красные могли одним ударом отрезать основные силы Русской армии от полуострова.

По стратегическим соображениям Врангелю стоило бы наступать на северо-запад и запад, на правобережье Днепра, на встречу польским и украинским войскам. Однако он повел свои войска в противоположном направлении — на северо-восток и восток, в Донбасс. Похоже, барон не торопился наладить взаимодействие с Пилсудским и Петлюрой, что потребо-

вало бы принятия на себя определенных политических обязательств по признанию независимости и границ Польши и Украины. Продвижение же в Донбасс теоретически открывало возможность прорваться в область Войска Донского, где Русская армия могла рассчитывать на существенное пополнение. Однако расстояние до казачьих земель было слишком велико, и Врангель вряд ли всерьез рассчитывал на то, что ему удастся достичь Ростова и Новочеркасска. Тем более что наступать пришлось бы по территории каменноугольного бассейна, а тамошние рабочие еще с конца 1917 года были настроены к белым весьма враждебно.

Перед наступлением Врангель провел реформу Вооруженных сил Юга России. 28 апреля 1920 года он переформировал их в Русскую армию. В изданном в этот день приказе говорилось:

«Армия перестраивается на новых началах.

Основания комплектования армии изменены: части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации.

Новая организационная схема ничего общего со старой, построенной на добровольческих началах, не имеет.

Необходимо теперь же отказаться и от старых, неприложимых к новым организационным соединениям, терминов — Добровольцы и Добровольческий.

Корпуса должны иметь наименования — армейские по номерам и казачьи по соответствующему войску».

Эта мера была вполне разумной и оправданной. Со словами «Добровольческая армия» и «добровольцы» у населения были связаны не самые приятные ассоциации. Недаром Добровольческую народную молву переименовала в «Грабьюармию». Главное же — на третьем году Гражданской войны был исчерпан этот ресурс пополнения белой армии: добровольцы либо погибли в боях или в результате красного террора, либо уже оказались в Крыму. Более того, сама идея добровольчества настороженно встречалась населением, поскольку было хорошо известно, что к пленным добровольцам красные относятся особенно сурово и пощады почти не дают. Неслучайно даже противники красных — например, зажиточные крестьяне — предпочитали, чтобы в белые армии их мобилизовывали. В случае плена это оставляло гораздо больше шансов остаться в живых.

Только вот мобилизовывать в Крыму было особенно некого. Все, кто хотел и мог сражаться, уже находились в рядах Русской армии. Надежда была только на пополнения из числа пленных красноармейцев да на казаков, если удастся занять казачьи области.

Двадцать девятого апреля Врангель издал приказ об отношении к пленным. Он гласил:

«Главная масса населения и чинов красной армии далеки от варварской идеи, проповедуемой коммунистами.

Много солдат и офицеров советских войск, не будучи большевиками, сражаются против нас, вынужденные к тому репрессиями и террором. Эти лица являются нашими врагами лишь на поле сражения, сдавшиеся же и перешедшие на нашу сторону без оружия в руках достойны сожаления и прощения.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Безжалостно расстреливать всех комиссаров, других активных коммунистов, захваченных во время сражения.

2. Всех остальных офицеров и солдат красной армии, раз они сдались или перешли на нашу сторону, безразлично, до сражений или во время боев, равно и всех служивших ранее в советской армии, по добровольном прибытии в войска Вооруженных Сил Юга России подвергшихся наказаниям и ограничениям по службе, освободить от всяких ограничений и восстановить в правах и преимуществах, высаженных до 1 Декабря 1917 года, при вступлении в войска Вооруженных Сил Юга России».

Таким образом, теперь полностью исключались бессудные расстрелы пленных, столь распространенные прежде в добровольческих частях. Правда, как различить «активных» и «неактивных» коммунистов, Врангель не разъяснял, так что место для произвола оставалось. Тем не менее массовые расстрелы пленных все-таки прекратились. Также офицеры, прежде служившие в Красной армии или в советских учреждениях, теперь восстанавливались во всех прежних правах и привилегиях, которых они были лишены при Деникине, что должно было побудить их с большим энтузиазмом сражаться за Белое дело, а тех, кто еще оставался в Красной армии, переходить на сторону Врангеля. 8 апреля, например, был восстановлен в чине генерал-майора рядовой Котельников, ранее разжалованный за службу у красных.

Врангель также стремился минимизировать репрессии на освобождаемых от большевиков территориях. 8 июня он приказал «освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти».

Издавались соответствующие воззвания, разбрасывавшиеся над советскими войсками с самолетов. Так, в двадцатых числах мая Врангель в обращении к «красным офицерам» призывал их встать «вновь в ряды Русской, настоящей армии», гарантируя «забвение прошлого» и «возможность искупить свой грех».

Позднее, в октябре, были также разработаны обращения к бойцам 1-й Конной армии и к самому Буденному. В последнем, подписанном начальником штаба Русской армии Шатиловым, утверждалось: «Всем переходящим на сторону Русской Армии гарантируется 1) личная и имущественная безопасность, 2) командному составу: остаются занимаемые должности с присвоением соответствующих чинов и званий, 3) лично Вам присваиваются права и соответствующий чин Командующего Армией, 4) всё прошлое будет забыто; законному преследованию будут подвергнуты лишь лица, согласно Вашего указания». Можно не сомневаться, что, перейди Буденный со своей армией к белым, все эти обещания были бы выполнены. Никого, кроме комиссаров, расстреливать бы не стали. Сделался бы Семен Михайлович бравым генерал-лейтенантом, надели бы его начдивы и комбриги генерал-майорские и полковничьи погоны, и пошли бы конармейцы под трехцветным знаменем бить красных...

Только Буденный не был столь глуп, чтобы в октябре 1920 года верить в победу Врангеля. Даже случаи добровольного перехода на сторону Врангеля офицеров, служивших у красных, а тем более рядовых красноармейцев, можно буквально пересчитать по пальцам. Пленные красноармейцы, поставленные в ряды Русской армии, порой сражались неплохо, но только пока белые наступали. При отступлении же они частенько перебегали обратно, порой даже убивая приставленных к ним офицеров.

Тринадцатого мая Врангель отдал секретный приказ: «В случае перехода нашего в наступление мы, на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма, можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, Украинскими войсками и другими противокоммунистическими группами.

В борьбе с главным врагом Святой Руси, коммунистами, нам по пути все те Русские люди, которые, как мы, честно стремятся свергнуть кучку насильников-большевиков, обманом захвативших власть.

ПРИКАЗЫВАЮ — всем начальникам, при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами, сообразовать свои действия с действиями войск этих групп,

имея в виду нашу основную задачу свергнуть коммунизм и всемерно облегчить и помочь Русскому народу воссоздать свое Великое Отечество».

При этом ни о каких политических соглашениях речь не шла. Однако попытки наладить взаимодействие с батькой Махно потерпели полный крах.

Первый посланец генерала Врангеля, в чине капитана, 27 мая (9 июня) предстал перед «Советом революционных повстанцев» в селе Времьевке Мариупольского уезда. Он передал письмо, подписанное Шатиловым и Коноваловым, с предложением союза и помощи оружием. Парламентер был повешен, и на его теле прикреплена надпись: «Никогда никакого союза у Махно с белогвардейцами не было и не может быть, и если еще кто из белогвардейского стана попытается прислать делегата, то его постигнет участь, какая постигла первого».

Несмотря на первую неудачу, вскоре к Махно был послан полковник Русской армии, которому повезло чуть больше, чем капитану: его расстреляли.

Пятого мая удалось эвакуировать из района Сочи часть кубанских и донских казаков, что дало Русской армии существенное пополнение. Общая численность врангелевцев выросла до сорока тысяч человек, однако во фронтовых частях их количество не превышало двадцати двух тысяч штыков и двух тысяч сабель, объединенных в четыре корпуса. Противостоявшая им 13-я советская армия в мае 1920 года перед наступлением врангелевцев насчитывала 15 тысяч штыков и четыре тысячи сабель.

Двадцатого числа было опубликовано «Воззвание» главнокомандующего:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь. За прекращение междуусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спаси Родину.

Генерал Врангель».

Тогда же Врангелем был подписан приказ № 3226, в котором провозглашалось:

«Русская Армия идет освобождать от красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мне Русский Народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых Армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устроении государства.

Земле — Волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог!

Генерал Врангель».

На той же основе возник и еще один приказ от 20 мая, распространяемый в виде листовки, с изложением основных положений земельного закона и закона о волостном земстве. В нем, в частности, Врангель декларировал:

«С помощью Божией двигая вперед войска на борьбу с игом советской власти, почитаю долгом перед Родиной принять на себя особую заботу об устроении в занимаемых войсками местностях мирной жизни и правопорядка.

Неотложным считаю облегчить тяготу населения, измученного дороживизной и скучностью питания, и устраниТЬ стеснения для развития производительных сил народных в занятии земледелием, промыслами и торговлей.

Трудящемуся крестьянину-земледельцу нужна земля, торговцу свобода торговли, передвижения и восстановление сообщений, ремесленнику и промышленнику материалы для работы и рынок.

Всем питание и порядок...

Борьба с насильниками и угнетателями.

Мир с родным народом.

Строгая кара насилия и грабежа.

Прощение всем, кто изверится в обманах советских обещаний и готов бороться с нами за русскую государственность и свободу мирного труда...

Народу — земля и воля в устроении государства.

Земле — Волею Народа поставленный Хозяин.

Да поможет нам Бог в нашем святом деле.

Генерал Врангель».

В последовавших разъяснениях говорилось, что под «хозяином» понимался сам народ, который, если пожелает, «изберет себе царя».

Правитель Крыма обещал автономию Украине и казачьим землям, но даже это мало помогло в поисках союзников.

Врангель пытался договориться не с теми политиками, ко-

торые обладали хоть какой-то военной силой, а с теми, кто подходил для его планов решения украинского вопроса. Однако переговоры с прибывшей в Крым группой украинских федералистов С. Маркатуна, соглашавшейся на широкую автономию Украины в составе единого Русского государства, изначально были бесполезны, поскольку группа состояла только из эмигрантов и никакой поддержкой на Украине не пользовалась.

Перед самой эвакуацией, 26 октября, Врангель издал приказ об украинском языке — он признавался на Украине государственным наряду с русским, а частные и государственные школы, где он изучался, уравнивались в правах с учебными заведениями, где преподавался русский язык. Никакого практического и даже пропагандистского значения это иметь не могло, равно как и намерение формировать в Русской армии украинские национальные части.

В общее наступление в Северной Таврии войска Врангеля перешли 25 мая 1920 года. Предполагалось быстро выйти на линию Александровск—Бердянск, затем продвинуться на линию Днепр—Синельниково—Гришино—Таганрог, а далее наступать на Дон и Кубань. Врангель рассчитывал оставить для прикрытия Крыма только треть сил Русской армии. Он полагал, что донское и кубанское казачество сможет дать 50—70 тысяч бойцов. Но белые могли бы завоевать Дон и Кубань только после полного краха советского сопротивления на юге России. На практике же за полгода боев Врангель не смог выполнить даже задачи второго этапа наступления — выйти на линию Синельниково—Таганрог.

Врангелевский министр иностранных дел П. Б. Струве отметил, что Гражданская война для белых продолжалась без всяких политических перспектив: «На взятие Москвы, конечно, уже не рассчитывали, а пытались лишь держать военный фронт и биться с большевиками до тех пор, пока они сами как-то не разложатся и не рухнут.

Эта психология врангелевской армии, связанная с верой не в свои победы, а лишь в прочность своей организации, которая должна пережить большевиков, psychology, создавшаяся еще в Крыму, сохранилась и в изгнании...»

Ему вторил епископ Вениамин, также отметивший в мемуарах не только готовность участников Белого движения к самопожертвованию, но и отсутствие позитивной политической установки:

«Можно сказать, что наше движение руководилось скорее негативными, протестующими мотивами, чем ясными положительными своими задачами... Мы боролись против боль-

шевиков — вот общая наша цель и психология. Предполагалось, будто всем ясно это. Но на деле было не так...

Чем же воодушевлялись мы в борьбе?

Старыми традициями: великой Россией, национализмом, собственностью. А еще? Ненавистью к большевикам, которые шли по новым социальным путям или понимали старые иначе. Всё это и слилось около одного главного имени “Россия”... А нас, верующих, гнала в это движение и борьба большевиков против религии — тайная или явная.

Но при всём этом, безусловно, должно отметить, что в Белой армии и большой дух жертвенности, не за корысть, не за собственность даже, а за Родину, за Русь вообще. Кто не примет этого объяснения, тот не может понять “белого движения”! Большевики казались губителями России. И честному русскому нужно было бороться против них! История знает, с какой готовностью люди отдавали себя на раны и смерть. Вот три-четыре факта.

Подполковник И., командир танковой части Корниловской дивизии, говорит при мне: завтра выступление, он ранен уже 14 раз, пойдет и завтра на смерть за Россию... Был убит. Генерал В., ранен был чуть не 21 раз... Убит. Или обхожу я как-то ночью Перекопский вал, отделявший Крым от материка. Кости были запрещены, но кое-где коптились две-три щепки. Вижу — молодежь. Подсел к ним. Они не знают, что я архидерей. Знаков отличия не имел тогда. Грустно разговаривают... Еще безусые... Дети аристократов... “Батюшка, — спрашивает один, — неужели мы проиграем? Ведь мы за родину и за Бога!”

Я утешал... И как было жалко этих юнцов! И какие они были милые и еще наивные. Где они, рано вылетевшие из теплых гнезд птенцы?»

Красная пропаганда была проще, но куда действеннее врангелевской. Она была рассчитана на конкретные социальные группы, прежде всего на крестьян и рабочих. Советские агитаторы говорили с народом на его языке и ловко использовали то обстоятельство, что беднейшим слоям мероприятия советской власти приносили ощутимые, хотя зачастую и сиюминутные, выгоды.

В советской пропаганде, в частности, удачно обыгрывались немецкая фамилия и аристократическое происхождение Врангеля, высмеивались его едва прикрытый монархизм и во многом декларативные реформы, а также его любовь к приказам-манифестам, что давало возможность проводить аналогию с царем.

Большевистский поэт Демьян Бедный написал пародийный «Манифест барона фон Врангеля»:

Ихъ фанге ан¹. Я нашинаю.
Эс ист² для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер³ манифест.

Вам мой фамилий всем известный:
Ихъ бин⁴ фон Врангель, герр барон.
Я самый лучший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.

Послюшай, красные зольдатен⁵:
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой — все демократен,
А не какой-нибудь звinya.

Часы с поломанной пружина —
Есть власть советский такова.
Какой рабочий от машина
Имеет умный голова?

Какой мужик, разлучный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!

Мит клейнем⁶, глюпеньким умишком
Всех зо генантен⁷ простофиль
Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
Ихъ шпрехе⁸: пфуй, дас ист цу филь⁹!

Без благородного сословий
Историй русский — круглый нуль.
Шлехът¹⁰! Не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обманулы!

Ви должен верить мне, барону.
Мой слово — твердый есть скала.
Мейн копф¹¹ ждет царскую корону,
Двухглавый адлер¹² — мой орла.

Святая Русслянд¹³... гейлих эрде¹⁴...
Зи лигт им штербен¹⁵, мой земля.
Я с белый конь... фом вейсен пферде¹⁶...
Сойду цум альтен¹⁷ стен Кремля.

¹ Я начинаю. (Это и другие пояснения немецких слов к стихотворению сделаны его автором.)

² Это есть.

³ Наш.

⁴ Я есмь.

⁵ Солдаты.

⁶ С маленьким.

⁷ Так называемых.

⁸ Я говорю.

⁹ Это чересчур.

¹⁰ Нехорошо.

¹¹ Моя голова.

¹² Орел.

¹³ Россия.

¹⁴ Святая земля.

¹⁵ Она находится при смерти.

¹⁶ С белого коня.

¹⁷ У старых.

И я скажу всему канальству:
«Мейн фольк¹⁸, не надо грабежи!
Служите старому начальству,
Вложите в ножницы ножи!»

Вам будут слезы ошень литься.
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен¹⁹ будете молиться
За мейне руссише душа.

Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут²⁰!

«Подписал собственноручно»
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
«Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будет посмотреть!!»

Конечно, крестьяне в большинстве своем не понимали немецкие слова, но это только усиливало комический эффект. Врангель позиционировался как новый претендент на царский трон, не знающий толком ни русского языка, ни народной жизни, стремящийся возродить гнет помещиков и капиталистов.

Наступление в Северной Таврии развивалось успешно. 1-й корпус Кутепова, прорвавшись через Перекоп, к 31 мая вышел к Днепру от устья до Каховки. Корниловцы 25 мая заняли хутор Преображенский, марковцы и дроздовцы — села Первоконстантиновку и Спендиярово. Но и потери были велики. Марковская дивизия за один день потеряла около шестисот человек — почти треть своей тогдашней численности, а марковская артиллерийская бригада — лишилась пятнадцати человек, зато пополнилась четырьмя трофейными орудиями, доведя общее число своих орудий до четырнадцати. В Дроздовской дивизии 25 мая выбыло из строя больше половины командного состава. В батальонах дроздовцев осталось по 30—40 человек. Начальник дивизии Туркул был тяжело контужен. К 28 мая Добровольческий корпус утратил 23 процента своего состава.

Если во время Ледового похода Корнилова среди его участников резко преобладали офицеры, то во время последнего похода Врангеля в Северную Таврию офицеров было уже значительно меньше: во фронтовых частях они составляли около 15 процентов (без учета занимавших командные должности).

¹⁸ Мой народ.

¹⁹ В церквах.

²⁰ Хорошо.

Больше всего их было в 1-м армейском корпусе Кутепова (бывшем Добровольческом). В полках имелись чисто офицерские роты, которые командование бросало в бой в критических ситуациях. Но именно офицеры наиболее активно участвовали в боях и несли наибольшие потери. К концу боевых действий в Северной Таврии доля офицеров во врангелевской армии существенно понизилась как за счет больших потерь среди офицерского состава, так и за счет увеличения повышения количества пленных красноармейцев в ее рядах. Тем не менее до конца существования Русской армии процент офицеров, а также казаков, по сути, являвшихся профессиональными военными, был гораздо выше, чем в Красной армии, что до определенного момента позволяло Врангелю одерживать победы даже над численно превосходящим противником. Поражения белой армии в Таврии и на Кубани в сентябре, еще до начала решающего наступления Фрунзе, были обусловлены не только ростом советского численного перевеса, но и ухудшением качественного состава врангелевских войск.

Десант 2-го армейского корпуса Слащева (десять тысяч штыков и сабель, 50 орудий, два броневика) 23 мая, несмотря на сильный шторм, высадился в Кирилловке у Геническа, чтобы ударить в тыл Перекопской группировке красных. На следующий день слащевцы заняли Мелитополь и взяли десять тысяч пленных. Вечером 26 мая части под командованием Слащева вышли на железную дорогу на перегоне Большой Устюг—Акимовка.

В ночь на 28 мая (10 июня) 3-я бригада советской 2-й кавалерийской дивизии ночным налетом заняла Отраду и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила штаб 3-й конной дивизии белых с ее начальником генералом А. П. Ревишиным. В связи с этим член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Stalin 25 июня телеграфировал председателю Совнаркома Ленину:

«Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревишин в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживаются Врангеля английские крупные суда и французские мелкие; в) топливо (жидкое) Врангель получает из Батума (значит, Баку не должен отпускать топливо Тифлису, который может продать его Батуму); г) генерал Эрдели, интернированный Грузией и подлежащий выдаче нам, в мае был уже в Крыму (значит, Грузия хитрит и обманывает нас).»

Показание генерала Ревишина о помощи Англии и Фран-

ции Врангелю стенографируется и будет послано вам за его подписью, как материал для Чичерина».

Кстати сказать, эти показания не спасли Александра Петровича Ревишина. Вскоре он был расстрелян.

Казачий Донской корпус генерала Абрамова наступал от Чонгарской переправы на Мелитополь, а далее к Ногайску и Бердянску, имея приказ продвигаться вдоль Азовского моря в направлении Дона. Сводный корпус кубанских казаков генерала Писарева также атаковал Генический укрепрайон с чонгарских позиций.

За неделю войска Врангеля заняли почти всю Северную Таврию. Однако затем контратаки красной конницы приостановили наступление.

Врангель попытался разжечь восстание на Дону. 26 июня отряд донских казаков под командованием полковника Назарова высадился между Мариуполем и Таганрогом, а 9 июля с помощью повстанцев занял район Александровск—Грушевск, в 35 верстах от Новочеркасска. Но надежды на широкое казачье восстание провалились, и вскоре отряд Назарова был уничтожен превосходящими силами красных.

К 19 июня войска Врангеля достигли рубежа Днепр—Орехов—Бердянск. Советское командование направило против них еще три дивизии и две отдельные бригады, а также конный корпус Жлобы. Командующим 13-й армией вместо Р. П. Эйдемана был назначен И. П. Уборевич. Численность 13-й армии возросла до 30 тысяч штыков и 11 тысяч сабель. С этими силами красные могли вновь вернуть Северную Таврию и разбить Врангеля.

К северо-востоку от Мелитополя Русская армия разгромила конный корпус Жлобы, насчитывавший 7500 сабель и 6 тысяч штыков. В этом сражении Врангель широко использовал против кавалерии самолеты и броневики, во многом предвосхитив тактику Второй мировой войны.

Уборевич создал две ударные группы под командованием И. Ф. Федько (3, 42, 46-я дивизии, две отдельные бригады) и Жлобы (1-й отдельный кавалерийский корпус Д. П. Жлобы, 2-я кавалерийская дивизия П. Е. Дыбенко, 40-я стрелковая дивизия, девять самолетов). Группа Федько должна была ударом с севера, из района Александровска, разбить корпус Кутепова и выйти к Мелитополю. Коннице Жлобы была поставлена задача ударом с востока прорвать фронт корпуса Абрамова и выйти в тыл корпуса Кутепова, отрезав врангелиевцам пути отступления в Крым.

Советское контрнаступление началось 14 (27) июня 1920 года. Группа Федько не смогла разбить корпус Кутепова и са-

РАЗГРОМ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ

- Линия фронта и исходу 5 июня - началу наступления войск Врангеля
- Направление ударов войск Врангеля в июне-августе
- Направление ударов войск Новороссийского фронта в августе
- Положение войск сторон в Таврии и исходу 8 августа, на Чубанин и исходу 21 августа
- Направление ударов войск Юго-Западного фронта в августе
- Наховский плацдарм, захваченный советскими войсками 7 августа
- Направление ударов войск Врангеля 14 сентября-2 октября
- Линия фронта и исходу 2 октября к исходу 27 октября
- Направление ударов войск Южного фронта 3-27 октября
- Направление войск Южного фронта 27 октября
- Направление наступление войск Южного фронта в Северной Таврии 28 октября-3 ноября
- Нонтрудары войск Врангеля
- Направления ударов советских войск в Перекопско-Чонгарской операции 7-17 ноября
- Районы действий партизан
- Блокада побережья Черного моря кораблями Врангеля и интервентов

ма была отброшена к Александровску. Конная группа Жлобы действовала более успешно: она прорвала фронт корпуса Абрамова и пошла в рейд по белым тылам, угрожая Мелитополю.

Врангель бросил на ликвидацию прорыва всю имевшуюся у него конницу — две тысячи донских казаков, — а также броневики и 20 самолетов. Продвижение красной конницы удалось остановить. 19 июня (2 июля) Жлоба снова предпринял попытку прорвать фронт у Черниговки. На следующий день с помощью доставленной на подводах Корниловской дивизии его группа была рассечена на две части. Жлоба хотел идти на север, но здесь его встретили корниловцы и бронепоезда. А тех, кому удалось прорваться, атаковали авиация и донская конница. В результате полного разгрома группы Жлобы тысяча красноармейцев была убита, в плену оказалось до девяти тысяч человек. Трофеи белых составили три тысячи лошадей, 60 орудий, 200 пулеметов. Еще пять тысяч лошадей дала мобилизация конского состава в Северной Таврии. Крестьяне были далеко не в восторге от мобилизации, равно как и от того, что Русская армия забирала весь урожай за обесцененные дензнаки, и пополняли армию Махно.

В Русскую армию в Крыму и Северной Таврии было мобилизовано до десяти тысяч крестьян и рабочих (Врангель считывал мобилизовать в несколько раз больше), а также пять тысяч пленных красноармейцев. Численность казачьей и регулярной конницы с апреля по октябрь выросла с пяти до пятнадцати тысяч сабель.

Пятого июля Врангель отдал приказ о создании группы Кутепова в составе 1-го армейского, Донского и Конного корпусов. Она должна была разбить Александровскую группировку красных. Бои шли с переменным успехом. 20 июля белые заняли Александровск, но на следующий день вынуждены были оставить город, предварительно разрушив железнодорожную станцию.

Как раз в эти дни советские войска на западе рвались к Варшаве. В связи с этим 7 (20) июля Мильеран поддержал правительство Врангеля в парламенте и сообщил Струве, что готов признать правительство Врангеля де-факто на трех основных условиях:

- 1) признание долгов предыдущих русских правительств, соразмерно с территорией, фактически контролируемой Врангелем;
- 2) предоставление земли в собственность крестьянам;
- 3) официальное сообщение Врангеля о намерении созвать избранное населением Учредительное собрание.

Барон эти условия принял, и 28 июля (10 августа) призна-

ние со стороны Франции последовало. В тот же день государственный секретарь США Колби заявил, что его страна против признания власти большевиков. Англия также прервала торговые переговоры с Советской Россией, опасаясь установления контроля большевиков над Польшей.

Главной задачей кампании Врангель считал высадку на Кубани, что должно было, как он думал, вызвать всеобщее антисоветское восстание местного казачества. С 1 по 21 августа на Кубань и в район Новороссийска было высажено три десанта общей численностью около пяти тысяч человек.

Узнав о первых успехах белых на Кубани, Ленин писал: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей...» Уже 23 июля (5 августа) пленум ЦК РКП(б) признал приоритет врангелевского фронта перед Польским, однако при этом было решено не ослаблять давление на Варшаву.

Пятого августа кубанский десант под командованием Улагая вышел на линию станиц Тимашевской—Брюховецкой, на неся поражение 1-й Кавказской кавалерийской дивизии красных. Однако 9-я советская армия, оборонявшаяся на Кубани, насчитывала 24 тысячи бойцов. Расчет Врангеля был на широкое восстание кубанцев и установление связи с еще боровшимися против красных на Кубани войсками генерала Фостикова. Но ни то ни другое осуществить не удалось.

Сергей Мамонтов, участвовавший в улагаевском десанте, оставил несколько ярких зарисовок этих боев:

«Как только наша колонна перешла дамбу, мы врезались в красную колонну, которая шла по главной дороге. Крики, выстрелы, пулеметная очередь в полной темноте. Мы приготовились к встрече, а для красных она была неожиданностью. Думаю, что они разбежались...

— Рысью марш!

Мы пересекли дорогу и пошли прямо на север. Долго шли рысью, не обращая внимания на отдельные выстрелы, которые раздавались изредка то справа, то слева. Стало светать.

Мы были далеко к северо-востоку, где нас не ожидали. Перед нами лежала станица Семенцево. Красные войска мирно спали. Мы грубо нарушили их сон. Часть сдалась, а часть побежала. Полки преследовали их в направлении станицы Брюховецкой...

На площади стояла толпа пленных под охраной нескольких казаков и наши две батареи. Мы все легли на землю и заснули. Шли ведь всю ночь.

— По коням! Садись! Рысью ма-арш!

Нас спешно звал Бабиев... Он стоял за большой скирдой и рассматривал что-то в бинокль.

— Вон там идет сюда красный батальон. Он ничего не подозревает и идет в колонне. Подъезжайте как можно ближе и ахните по ним картечью... Я послал за полками, но мы не можем их дожидаться. Я соберу казаков и атакую их с фланга. Понятно? Хорошо. Идите с Богом.

Мы вышли из-за скирд и пошли, не совсем на красных, в орудийной колонне, то есть орудие за орудием. Красные смотрели на нас с удивлением, но не стреляли. Потом, когда мы оказались на их уровне, то Шапиловский скомандовал:

— Поорудийно направо ма-арш... Галопом ма-арш!

Орудия повернулись, батарея оказалась в развернутом фронте и перешла с рыси в галоп. Тут красные заволновались и стали стрелять. У нас упала лошадь, другая. Но мы были уже совсем близко.

— Налево кругом. С передков. К бою!

После первого нашего выстрела у них произошла неописуемая паника. Толкаясь и мешая друг другу, они побежали, а наша картечь вырывала дыры в толпе. Справа Бабиев атаковал их своим штабом и двумя десятками казаков. Красные бросили винтовки и сдались. Было их человек шестьсот. Мы взялись в передки и пошли рысью туда же.

Но красные комиссары, прия в себя, увидели, что казаков всего три десятка.

— Товарищи, их немного, — крикнули они. — Возьмите опять винтовки и переколите этих собак!

И двое из них бросились на Бабиева, который выделялся своей фигурой, широкими генеральскими погонами. Кроме того, у него была сухая правая рука от старой раны. Шашку он держал в левой руке, а повод в зубах. Но товарищи плохо выбрали свою жертву. Хоть левой рукой, но Бабиев прекрасно владел шашкой. В мгновение ока он отразил их штыки и раскроил обоим череп. Остальные замялись.

— Рубите их всех! — закричал Бабиев.

Мы подходили рысью, когда увидели, что что-то там происходит неладное. Без колебания мы быстро снялись и пустили очередь картечи в бушующую толпу, рискуя повредить и своих, но выбирая места, где конных не было. В это время мимо нас прошел на рысях полк и с обнаженными шашками ударили на толпу красных. Мы тотчас же взялись опять в передки, но когда мы пришли на место, то всё было кончено. Красных всех порубили. Бой длился не более 20 минут...

— Вы очень хорошо сделали, что стреляли еще, — сказал нам Бабиев. — Правда, вы нас тоже чуть не угробили, но ваша

картечь пришла как раз когда нужно. Это холодит вам кровь — видеть пушки, которые в вас стреляют в упор. Это именно то, что должна, по-моему, делать артиллерия. Стрельба издали не так действенна и много менее впечатляюща... Но не станем терять времени. Нам предстоит еще много дела... По коням! Здесь всё кончено.

Сотни трупов лежали вокруг хутора. И сказать, что несколько десятков минут назад это был целый батальон!»

Чувства этих людей притупились на войне. Подчас они не испытывали ничего — ни страха смерти, ни сострадания к побежденному противнику. Мамонтов вспомнил несколько случаев, когда нередкая на войне жестокость принимала форму своеобразного «естествоиспытательского» интереса:

«Рядом со мной разговаривала группа казачьих офицеров. Молодой удивлялся:

— Почему среди убитых нет обезглавленных? Можно ли одним ударом отсечь голову? Видишь иногда прекрасные удары: череп рассечен наискось, а вот отрубленных голов я не видел.

Старший офицер объяснил:

— Чтобы отрубить голову, вовсе не надо слишком сильно-го удара. Это вопрос положения, а не силы. Нужно находиться на том же уровне и рубить горизонтальным ударом. Если конный противник нагнется, а он всегда нагибается, то гори-зонтальный удар невозможен. Пехоту же мы рубим сверху вниз... Эх, жаль, если бы подвернулся случай, я бы показал, как рубят голову.

В одном из предыдущих боев мы захватили комиссара. Впопыхах его посадили в пролетку генерала Бабиева, которая случайно проезжала мимо. Посадили и про него забыли. Пролетка служила Бабиеву рабочим кабинетом. На этой остановке Бабиев слез с коня и направился к своей пролетке. Он с удивлением увидел комиссара.

— Кто этот тип и что он делает в моей пролетке?

— Комиссар, ваше превосходительство, — сказал адъю-тант. — Мы подумали, что вы захотите его допросить.

— Вовсе нет. У меня масса работы. Освободите от него про-летку.

Комиссара любезно попросили слезть и подойти к разгова-ривавшим офицерам.

— Вот случай, который сам собой напрашивается, — ска-зал пожилой.

С комиссаром были вежливы, предложили папиросу, стали разговаривать.

Я всё еще не верил в исполнение замысла. Но пожилой за-

шел за спину комиссара и сухим горизонтальным ударом отсек ему голову, которая покатилась на траву. Тело стояло долю секунды, потом рухнуло...

Всё это произошло без всякой злобы, просто как демонстрация хорошего удара.

— Это что, — сказал пожилой. — Вот чтобы разрубить человека от плеча до поясницы, нужна сила.

Он вытер шашку об мундир комиссара. Человеческая жизнь ценилась недорого...

Выйдя из-за леска, мы увидели поле, буквально усеянное трупами красных. Было трудно провезти орудие, не раздавив трупа... Были прекрасные удары: черепа срезаны блюдцем и открыты, как крышка коробки, которая держалась только на полоске кожи. Понятно было, что в древности делали из черепов кубки, — всё это были готовые кубки.

Я шел впереди своего первого орудия, тщательно выбирая дорогу между трупами, чтобы провести батарею, не раздавив их. А сзади меня мои ездовые старались наехать колесом на голову, и она лопалась под колесом, как арбуз. Напрасно я ругался, они божились, что наехали случайно. В конце концов я уехал дальше вперед, чтобы не слышать этого ужасного хруста и отвратительного гогота, когда еще не совсем мертвый красный дергался конвульсивно. В этот момент я ненавидел своих людей. Это были какие-то неандертальцы.

Но странно. Они увидели щенка, выпавшего из мешка зарубленного. Тогда вдруг все разжалобились.

— Нельзя же его здесь оставить. Он ведь погибнет.

Один соскочил и подобрал щенка.

— Осторожно, ты, своими лапищами — он же маленький.

Что это такое? После гогота над дерганьем умирающего? Человек — великая тайна, но и большая сволочь».

Этот эпизод читается как цитата из пушкинского «Дубровского» о любви крепостника Троекурова к своим собакам, для которых в его имении имелся даже лазарет.

«Рота красных вышла из окопов и сдалась нам, — продолжает рассказ Мамонтов. — Нас это вовсе не устраивало. Мы боялись наших пленных. Батареи беззащитны во время движения. Но мы, конечно, этого не показали. Обращались с ними сурово и повели в станицу. Там, к нашему большому облегчению, стояла на площади большая толпа пленных, и несколько казаков их охраняли. Мы сдали им своих пленных, легли на землю и заснули...»

В этом эпизоде, приведенном бывшим белым офицером, естественную человеческую реакцию на происходивший кош-

мар сохранил лишь его невольный свидетель — местный крестьянин:

«Хуторянин осмотрелся с ужасом кругом.

— Господи, что же я буду делать со всеми этими убитыми? Как смогу я жить среди трупов?

И он без шапки пошел прочь от своего хутора».

Однако все частные успехи не могли компенсировать того, что кубанцы совсем не торопились восставать, а основные силы советских войск, не принимая боя, отступили вглубь Кубани.

Врангеля беспокоило, что десант топчется на месте. Он выехал в Керчь и по дороге получил телеграмму Улагая: «Ввиду обнаружения вновь прибывших свежих частей противника и подавляющей численности врага положение серьезное...» Командир десанта просил спешно выслать к Приморско-Ахтарской корабли для эвакуации своего отходящего отряда.

В этот момент Врангель понял, что десант обречен на неудачу, поскольку «необходимое условие успеха — внезапность была уже утеряна; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена».

Одиннадцатого августа главнокомандующий прибыл на Кубань, в станицу Таманскую. Здесь он убедился, что местные казаки не верят в успех десантной операции и ждут скорого возвращения красных. Правда, на следующий день Улагай телеграфировал, что обстановка изменилась и корабли присыпать не нужно. Однако на немедленное наступление на Екатеринодар, где почти не осталось советских войск, он всё же не решился.

Еще раз Врангель побывал в Керчи 19 августа. В этот день красные на Кубани перешли в контрнаступление и оттеснили части десанта к Таманской. Барон приказал начать погрузку на корабли.

В мемуарах он признавал:

«Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего? Всё ли было предусмотрено, верен ли был расчет?

Тяжелые бои на северном фронте, только что разрешившие с таким трудом грозное там положение, не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для кубанской операции, представ-

лялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно. Несмотря на нескромность кубанских правителей, задолго разболтавших о намеченной операции, самый пункт высадки оставался для противника неизвестным. Красные ожидали нас на Тамани и в районе Новороссийска. Войска высадились без потерь, и через три дня, завладев важнейшим железнодорожным узлом — Тимашевской, были уже в сорока verstах от сердца Кубани — Екатеринодара. Не приостановясь генерал Улагай, двигаясь он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и северная Кубань была бы очищена».

После приведения всех этих аргументов, отводивших от барона вину за неудачу операции, можно было и покаяться — но так, чтобы у читателей не осталось сомнений в том, кто был истинным виновником:

«Всё это было так. Но вместе с тем в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные, и отрицательные свойства его. Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценко, я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который сам, будучи очень занят, уделил этому недостаточно времени. Я жестоко винил себя, не находя оправдания.

Единственное, что дал нам десант, — это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятью тысячами. Это число не только покрывало тяжелые потери последних дней на северном фронте, но и давало значительный излишек».

А вот как поражение врангелевского десанта виделось с советской стороны. Н. Е. Какурин отмечает: «28 августа красные войска, в свою очередь, скрытно двинув свой десант в тыл противнику на пароходах по р. Протоке, внезапно овладели ст. Ново-Нижне-Стеблиевской, захватив штаб отряда (генерал Улагай случайно спасся) и внеся полный беспорядок в тыл противника. Его войска начали спешно оставлять фронт, устремляясь на Ачуев. Здесь противник пытался еще удержаться, но 7 сентября был окончательно выбит красными войсками и, в беспорядке погрузившись на суда, отплыл в Керчь».

Командир 2-го Кубанского корпуса В. Г. Науменко описал в дневнике обстоятельства возвращения в Крым:

«Мы ушли с Кубани 24 августа в 6 часов вечера, забрав всё что можно. Оставили несколько сот повозок и до 100 лошадей, для которых не было места на судах. Потеряли мы около 3000 человек (700 убитыми, остальные раненые). Пришли с

Кубани в составе больше, чем ушли. Людей было 14 000 (помимо боевых частей, на Кубань направилось большое число сотрудников тыловых учреждений и беженцев, что во многом сковывало действия десанта. — Б. С.), стало 17 000. Лошадей было 4 тысячи, стало около 7. Пушек было 28, стало 36. Из Ачуева войска перевезли в Керчь, Бабиева направили в Северную Таврию, Кубанское правительство в Феодосию».

Не все офицеры разделяли точку зрения Петра Николаевича на причины неудачи операции. Генерал Науменко после аудиенции у главнокомандующего сделал дневниковую запись: «27 августа выехал из Керчи в Севастополь. Утром был у Врангеля. Принял любезно, но с озабоченным видом. Главную причину неудачи на Кубани он приписывает неправильным действиям Улагая. Я с ним не согласился и указал на то, что главнейшей причиной считаю неудовлетворительную подготовку со стороны штаба Главнокомандующего».

А в сентябре Науменко с горечью отметил: «Обдумав положение кубанского вопроса и отношение к нему главного командования, пришел к выводу, что Иванис (глава правительства Кубани, исполнявший обязанности кубанского атамана. — Б. С.) главному командованию выгоден, при нем они надеются взять казачество в свои руки. Обращают внимание подробности: Улагая держат в тени, Ткачева как атамана считают совершенно невозможным. Меня к делу организации не допускают».

Действительно, с самого момента высадки десанта было ясно, что ни о каком реальном самоуправлении казачьих областей речь не идет. Генерал Черепов объявил в станице Анапской, что не будет ни «кругов», ни «рад», а будет твердая власть, после чего 400 присоединившихся, было, к белым казаков сразу же ушли в горы.

Науменко был прав, когда основную вину за неудачу десантной операции возлагал не на Улагая, а на Врангеля. Именно главнокомандующий позволил отправиться для участия в десантировании более чем десяти тысячам беженцев и сотрудников тыловых служб, что во многом сковало действия боевых частей. Именно он сообщил о намерении организовать рейд на Кубань слишком большому числу лиц, так что красные узнали о нем заблаговременно и успели стянуть силы для противодействия Улагаю, обеспечив себе четырех-пятикратное численное превосходство. Кубань и Крым разделяет лишь узкий Керченский пролив. При желании можно было высадить на Кубани несколько небольших партий разведчиков, чтобы узнать, каковы на самом деле настроения казачества. В этом случае, возможно, вопрос о высадке десанта отпал бы, по-

скольку выяснилось бы, что большинство казаков отнюдь не собираются становиться под врангелевские знамена. Но барону очень хотелось создать на юге России некое подобие жизнеспособного государства. Если бы удалось овладеть Кубанью, шансы на создание такого мини-государства существенно выросли бы. И Петру Николаевичу очень хотелось верить, что кубанское казачество сразу же поднимется против большевиков, стоит только десанту высадиться на Кубани. Если бы десант был более многочисленным, в 10—15 тысяч бойцов, возможно, он продержался бы дольше, но всё равно не смог бы поднять казаков. К тому же обстановка в Северной Таврии не позволяла послать на Кубань подкрепления. Врангель писал в мемуарах: «...в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для закрепления и развития достигнутых на востоке успехов». Однако на практике это вряд ли было возможно. Ведь в этом случае мощная группировка красных из Северной Таврии наверняка ударила бы по крымским перешейкам и легко ворвалась в Крым. А потерять Крым, свою операционную базу, Врангель никак не мог. Эвакуация же оттуда на Кубань всех войск, запасов и беженцев должна была занять слишком много времени, которого красные Врангелю попросту не дали бы.

Науменко был прав также в том, что Врангель не спешил заменить на посту кубанского воинского атамана непопулярного Иваниса каким-нибудь боевым и популярным генералом, мотивируя это невозможностью созвать Раду. А раз не было выдвинуто ни привлекательных для казаков политических лозунгов, ни притягательной фигуры кубанского атамана, то рассчитывать на широкое казацкое восстание не приходилось. Врангель же, вероятно, опасался, что если кубанским атаманам станет Улагай, Науменко или Бабиев, то он сможет конкурировать с главнокомандующим во влиянии на войска, тем более что в случае занятия белыми Кубани, скорее всего, в составе Русской армии стали бы преобладать кубанские казаки.

Наверное, если бы Врангель имел достоверную информацию насчет настроений кубанского казачества, он бы отказался от проведения операции. Наилучшим вариантом действий была бы имитация подготовки крупного десанта на Кубань, чтобы заставить красных держать там значительные силы, которые в противном случае могли оказаться в Северной Таврии.

Наркомвоенмор Троцкий в интервью, данном 19 августа (1 сентября) по случаю ликвидации улагаевского десанта, с

удовлетворением констатировал: «Врангель действительно надеялся на присоединение кубанцев и донцов и доставил туда довольно большие военные запасы для предстоящих формирований. Этих запасов было до 50 вагонов. Я могу говорить об этом с достаточной точностью, потому что нам пришлось вывозить запасы с побережья Ахтари именно в вагонах, после того как мы овладели базой десанта. Ни кубанцы, ни донцы не примкнули к десанту. Путем хорошо задуманного и прекрасно выполненного маневра десанту был нанесен смертельный удар, причем мы почти не понесли жертв... Словом, если врангелевский десант что-либо обнаружил, то именно незыблемость нашей позиции на Северном Кавказе. Тем самым врангелевская империя сводится к пределам части бывшего Крымского ханства. Но мы твердо рассчитываем, что господину Мильерану придется скоро отказаться от мечты иметь в Крыму вассального русско-немецкого хана».

Кубанский десант в итоге принес белым больше вреда, чем пользы. Удалось получить пополнение — около четырех тысяч казаков. Но в Северной Таврии, где в тот момент шли ожесточенные бои за Каюковский плацдарм, остро ощущалась нехватка тех пяти тысяч бойцов, в том числе более двух тысяч кавалеристов, отправленных на Кубань.

В районе Берислав—Каховка (в 82 километрах от Перекопа) красные сконцентрировали Латышскую, 15-ю и 51-ю дивизии, которые 25 июля (7 августа) переправились через Днепр у Каюковки и Алешок и, оттеснив корпус Слащева, оказались всего в 25 километрах от Перекопа.

Врангелевцы контратаками отбросили противника за Днепр. Однако в районе Каюковки три советские дивизии удержали плацдарм, причем при попытках отбить его 2-й армейский корпус Слащева и конный корпус Барбовича понесли тяжелые потери. Наступление красных на северном участке фронта, от Александровска на Мелитополь, против 1-го корпуса Кутепова, велось войсками 2-й Конной армии, 1, 3 и 46-й дивизий. Наступление начало развиваться успешно, и конница красных вышла под Мелитополь. Но в конце концов корпус Кутепова отразил это наступление ценой больших потерь.

Строго говоря, после того, как стало ясно, что сбросить красных с Каюковского плацдарма не удастся, боевые действия в Северной Таврии, в том числе и проведенная в сентябре Заднепровская операция, утратили для Русской армии всякий стратегический смысл. Теперь чем больше были успехи и чем больше, соответственно, растягивался фронт и отдалялись от Крыма силы белых, тем опаснее становилась для них угроза

советского наступления от Каховки к Перекопу, которое рано или поздно должно было неизбежно последовать.

С чисто военной точки зрения, вероятно, наилучшим выходом из опасной ситуации было бы отступление в Крым. Однако к тому времени из Северной Таврии был вывезен еще далеко не весь хлеб. Главное же — как раз в эти дни разворачивалось решающее сражение под Варшавой, от исхода которого зависела и судьба белого Крыма. Врангель не хотел признавать своего поражения. Он понимал, что возвращение в Крым, с одной стороны, станет лишь прологом к эвакуации, с другой — позволит большевикам перебросить дополнительные силы в Польшу. Поэтому он решил продолжать наступательные операции.

Четвертого августа генерал Слащев сообщил Врангелю, что от повторения атак на укрепленную позицию противника вынужден отказаться, и просил разрешения отвести свои части на линию Каменный Колодезь — Черненька. Главнокомандующий согласился, но указал Слащеву на неудовлетворительность его действий. В ответ Слащев прислал рапорт:

«Срочно. Вне очереди. Главкому.

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Всё это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним».

Петр Николаевич вспоминал:

«Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Ценя его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время всё более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте, по обвинению в勒索 и убийстве ряда лиц с целью грабежа, начальника контрразведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выграживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие, между прочим, обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника

Протопопова как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки...»

На место Слащева был назначен бывший начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский, по характеристике Врангеля, «генерал большой личной храбости, прекрасно разбирающийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командинра...».

Пятого августа генерал Слащев прибыл в Севастополь. Судя по описанию Врангеля, были серьезные основания сомневаться в психическом здоровье Якова Александровича:

«Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по его щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнений, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что “вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к лево-социал-революционному знаменателю”, упрекал меня в том, что, “чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что если уйдет Деникин — уйдет и Витковский со своей Дроздовской дивизией”. Рапорт заканчивался следующими словами: “Как подчиненный ходатайству, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной...”».

Действительно, только человек с большим воображением мог подозревать бывшего начальника Дроздовской дивизии В. К. Витковского в симпатиях к левым эсерам. Дроздовцы, почти сплошь монархисты, такого командинра просто не потерпели бы.

Петр Николаевич в мемуарах излагает обстоятельства встреч с опальным генералом:

«С трудом удалось мне его успокоить. Возможно задушевнее я постарался его убедить в необходимости лечиться, высказывая уверенность, что, отдохнувши и поправившись, он вновь получит возможность служить нашему общему делу. Я обещал сделать всё от меня зависящее, чтобы уход его не был

истолкован как отречение. В изъятие из общих правил, я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву приказ, в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование “Крымский”; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6 (19) августа 1920 г.).

Слащев растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченным мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащеву отправиться для лечения за границу; однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте».

Описание этого ярчайшего персонажа Белого движения оставил и епископ Вениамин: «...он командовал при Деникине в Крыму. Это интересный человек, полусказочного калибра. Его я видел сам, живя в том же Крыму. Высокого роста красивый блондин с соколиным, смелым взором. Он обладал удивительной способностью внушать доверие и преданную любовь войскам. Обращался он к ним не по-старому: “Здорово, молодцы”, а “Здорово, братья”. Это была новость, и очень отрадная и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к “серому солдату”. И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и воду.

Но когда требовалось принять строгие меры, например, против грабителей, спекулянтов, тот же Слащев не останавливался и перед смертной казнью. Это тоже все знали. И его любили и боялись, но и надеялись: Слащев не выдаст».

Однажды архиерей даже посетил его штабной вагон на

станции Джанкой: «Встречает меня его часовой, изящный, красивый, в солдатской форме. Оказывается, это бывшая сестра милосердия, теперь охрана и жена генерала. Вошел Слащев: на плече у него черный ворон. Одна нога в сапоге, другая в валенке — ранен... Бодрящее и милое впечатление произвел он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового веселого лица... “Часовой”, конечно, не был при нас... Говорили про него, что он пьет, и не вино лишь, а даже возбуждающие наркотики... Возможно!»

О причинах отставки Слащева епископ Севастопольский пишет: «Когда вступил в командование генерал Врангель вместо Деникина, ему отвели часть фронта. Но будто бы там у него были чисто военные промахи. А другие говорили, что “цветные” войска — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии, отличавшиеся разными цветами погонов, кантов и проч., — не любили его потому, что он был не “ихний”. Третий предполагали, что он держался вообще иного духа и тактики, чем кутеповские войска. Ставили ему в вину и нетрезвость, и чудачество. Начались трения, и Слащев должен был уйти в отставку... Генерал Врангель, человек справедливый в общем, в разговоре со мной тоже винил его. Я, конечно, не разбирался, не мое дело. Но мы жалели нашего героя, который лето, осень и целую зиму продержал с какими-то слабыми силами Крым».

Епископ Вениамин признавал, что Яков Александрович был личностью харизматичной, даже овеянной легендами:

«...говорят, однажды большевики прорвались-таки в одном месте. Курьер донес ему. “Как прорвались? Почему вы к ним не прорвались, мерзавцы? На коней!”

И с маленьким штабным конвоем летит в опасное место, воодушевляет свои войска, гонит противников обратно за перевал. Дело ликвидировано... Вероятно, не так всё это было сказочно и просто, но такая легенда ходила между нами, и ей мы верили. Значит, верили в Слащева...

Ходила про него в Крыму легенда, что он совсем не Слащев, а великий князь Михаил Александрович. Разумеется, это фантазия, но и она говорит о той легендарности, какой окружено было его имя».

Поэтому иерарх, кажется, совсем не был удивлен дальнейшему зигзагу слащевской судьбы: «Когда произошла эвакуация, он вместе со всеми уехал в Константинополь и начал печально оправдываться перед “судом общества” в своей правоте, а потом и вовсе порвал с белыми и уехал на пароходе к красным, с которыми боролся столько лет. В Москве его убили с улицы через окно. Ходили слухи, что это сделали “внутрен-

ние” белые, мстя за предательство, другие винили красных. Мне кажется, первая версия правдоподобнее. Мне жаль его...»

Итак, в результате сражения под Каховкой Врангель избавился от опасного соперника в армии, единственного, кто мог тягаться с ним в популярности среди войск и общества.

Тем временем Красная армия была разбита под Варшавой, что изменило стратегическую обстановку в пользу антибольшевистских сил. Появилась реальная возможность свержения советской власти. Но теперь на первый план выходила дипломатия. Всё зависело от того, удастся ли Врангелю договориться с «начальником Польского государства» и главнокомандующим польской армией маршалом Юзефом Пилсудским. Причем соглашение должно было носить прежде всего политический характер и касаться взаимного признания и установления российско-польской границы, а также признания независимости Украины. Врангель, однако, хотел решать только военные вопросы, поскольку сознавал слабость своего режима, не способного на равных вести диалог с Польшей по вопросам границы и другим политическим проблемам, включая возможное признание независимости бывших частей Российской империи. Решение же политических вопросов он стремился отложить до окончательной победы над большевиками. Польскую сторону это совершенно не устраивало. Пилсудский понимал, что для держав Антанты и США правительство Врангеля было куда более предпочтительной властью, чем большевики с их идеей мировой революции. После свержения ленинского Совнаркома Врангель мог бы рассчитывать на признание со стороны великих держав, и они в случае российско-польского конфликта по территориальным вопросам или намерения России установить в Польше пророссийское правительство совсем не обязательно оказались бы на польской стороне. В борьбе же против Советской России Пилсудский мог рассчитывать на поддержку Антанты, по крайней мере, в случае, если большевики будут угрожать польской независимости. Поэтому первый маршал Польши мог согласиться на замену в Кремле Ленина на Врангеля, если бы Врангель немедленно подписал юридически обязывающие документы о признании независимости и установлении российско-польской границы, как она виделась польской стороне. Однако Петр Николаевич, кажется, переоценивал готовность Польши сражаться во имя одного только сокрушения большевиков и недооценивал жизненную важность немедленного политического соглашения с Польшей.

Струве, по указанию Врангеля, 1 (14) сентября передал ноту начальнику французской миссии в Крыму, в которой пред-

лагалось «путем согласованных действий польской и русской армии, под высшим руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир».

П. С. Махров, посланный Врангелем в Варшаву с заданием выяснить возможности сотрудничества с Польшей, приехал туда лишь в середине сентября. Врангель писал в мемуарах: «Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами...» С такими настроениями нечего было и думать добиться от Пилсудского согласия на совместный поход на Москву.

Из Польши в Крым переправился только отряд генерала Н. Э. Бредова, насчитывавший около десяти тысяч человек с восемнадцатью орудиями, 282 пулеметами. Для их перевозки через Румынию использовалось более шестисот вагонов. Вместе с отрядом Бредова ушел и Кубанский казачий полк, перешедший уже на Польском фронте на сторону поляков.

Врангель старался убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров, чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на Польский фронт, пополнить Русскую армию боеспособными частями перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков и снабдить ее за счет захваченной поляками огромной добычи. Он писал в мемуарах:

«Из задержавшихся в Польше остатков отряда генерала Бредова, отрядов Булак-Балаховича и полковника Пермыкина и русского населения вновь занятых поляками областей я предлагал сформировать в пределах Польши 3-ю Русскую армию. Я предлагал объединить командование польскими и русскими войсками в лице французского генерала с тем, чтобы при нем состояли представители наших и польских армий.

Соответствующие переговоры велись как непосредственно мною с представителями польского и французского правительства в Крыму, так и моими представителями в Париже и Варшаве».

Но поляков совсем не привлекала перспектива, чтобы польскими войсками командовал французский Генштаб, поэтому предложение Врангеля было обречено на провал.

Для ускорения переговоров барон направил в Париж Струве и Юзефовича (последний должен был возглавить 3-ю армию в Польше). Они должны были передать французскому правительству записку А. В. Кривошеина от 15 (28) сентября, где говорилось о стратегической обстановке и планах белого командования:

«...Для развития на Кубани успехов, ввиду сосредоточения значительных сил противника против нашей десантной группы, намечалась переброска с таврического фронта новых частей, это неминуемо должно было нас вынудить к отходу за Перекоп, к чему армия и подготавливалась. Однако, в связи с разгромом польской армией большевиков, встал вопрос о создании на западе общего противобольшевистского фронта, причем сохранение нами таврического фронта приобретало первенствующее значение. Это поставило нас в необходимость прекратить переброску войск на Кубань и, как следствие этого, отказаться от продолжения кубанской операции. Наша десантная кубанская группа получила приказание начать переброску частей в Крым. Это было выполнено не только без потерь, но и с большим приращением живой силы. Ныне Русская армия подготавливается к переходу в наступление, причем только согласованные операции ее с другими противобольшевистскими силами обещают достижение наибольшего успеха. Последнее же возможно только при условии объединения действий. Объединение украинских войск с польской армией уже осуществлено. Наше военное соглашение с украинской армией уже намечается.

Ныне назрел вопрос и об объединении действий Русской армии с поляками, причем дальнейшие успехи и дальнейшее продвижение приведут к созданию общего фронта. Роль Франции в осуществлении этого вопроса имеет доминирующее значение. Спасение Варшавы и самой самостоятельности Польши с одной стороны и признание правительства юга России и оказание помощи по снабжению Русской армии с другой сделают вполне естественным, что обе армии охотно пойдут на руководство общей операцией против большевиков одним из французских генералов, с тем, чтобы при нем состояли представители противобольшевистских армий. В случае осуществления этого проекта и продолжения наступления Русская армия начала бы операцию на правом берегу Днепра, причем первоначально она могла бы овладеть Очаково-Николаевским и Херсонским районами, выдвинуться на линию

Никополь—Вознесенск и наступать далее на линию Днепра, откидывая свой левый фланг к Черкассам, где было бы желательно соединиться с украинскими войсками. Повсеместные восстания на правобережной Украине, ближайшие к нам очаги которых руководятся нашими офицерами и снабжаются нашим оружием, в значительной степени облегчают задачу...

При выполнении этой операции было бы очень желательно содействие французского флота при овладении Очаковом (обстрел верков*, траление мин и демонстрация у Одессы).

Выполнение намеченных заданий лишило бы большевиков хлебных районов, закрыло бы выход в Черное море и создало бы необычайно выгодное положение для дальнейших действий, причем польская армия могла бы ограничиться активной обороной на Днестре и Припяти, а Русская и украинская продолжали бы дальнейшие операции. Овладение каменноугольным районом и захват Кубани должны быть следующими задачами Русской армии, так как лишение советской России этих источников топлива и хлеба означало бы для нее конец борьбы».

Как мы видим, в полном соответствии с российскими традициями неудача кубанского десанта выдавалась за стратегический маневр, необходимый для наступления в Северной Таврии навстречу полякам. Но главное — правительство Крыма хотело добиться от французов помощи в вооружении и снаряжении своих войск. Их численность в послании многократно преувеличивалась, чтобы были основания требовать поставок как можно большего количества разнообразного военного имущества:

«Выполнение намеченных задач возможно лишь при надлежащем снабжении, в котором Русская армия испытывает чрезвычайную нужду. Наступающие холода требуют принятия скорейших мер по обеспечению армии обмундированием, а неминуемая сыпнотифозная эпидемия — бельем.

Наша армия раздета и 110 тысяч бойцов... на фронте должны быть одеты по-зимнему. Кроме того, 200 тысяч офицеров, чиновников и солдат, обслуживающих тылы армии, надо одеть по-осеннему.

Одним из существенных вопросов является также усиление нас орудиями, так как запас английских снарядов приходит к концу. Только для поддержания нынешней нашей артиллерии, в связи с перевооружением, необходимо до 80 орудий.

Гражданская война выдвинула авиацию, броневики и тан-

---

* Верк (нем. Werk — сооружение) — отдельное укрепление, способное вести самостоятельную оборону. (Прим. ред.)

ки, особенно могущественное средство борьбы. Оказанная ими помощь Русской армии неисчислима. К сожалению, материальная их часть пришла в полное расстройство, и присылка ее в достаточном количестве до крайности необходима. Ощущается недостаток ручного оружия, каковой, с передачей нам при содействии Франции имущества румынского фронта, будет устранен.

Для флота нужны шестидюймовые пушки Канэ, 75 мм пушки и снаряды к ним.

Средства связи: телефоны, телеграфные аппараты, а главное кабель также нам нужны в первую очередь.

В медицинских средствах Русская армия испытывает большой недостаток, который станет грозным с началом зимних эпидемий. Белье для лазаретов, дезинфекционные средства, хирургические инструменты и перевязочные материалы крайне необходимы.

С оказанием нам помощи, в общих чертах изложенной выше, Русская армия выполнит намеченные задачи с полным успехом».

Кроме того, врангелевское правительство рассчитывало и на французскую финансовую поддержку: «Независимо от предоставления Русской армии военного снабжения осуществление проекта требует и значительной денежной помощи в виде ссуды, покрытие которой наравне с оплатой военного снабжения могло бы быть предусмотрено специальным договором по экспорту во Францию зерновых продуктов, угля и других сырьевых продуктов, из территорий уже занятых и предположенных к занятию Русской армией».

Конечно же предложение Франции возглавить новый поход против Советской России было нереалистичным — французы воевать не хотели.

К тому времени советско-польское перемирие фактически было предрешено, о чем Врангель знать не мог. Но, возможно, Петр Николаевич догадывался о таком развитии событий и пытался убедить французское правительство в том, что Русская армия и одна справится с большевиками, если только дать ей достаточно оружия и перебросить в Крым русские формирования из Польши. Верил ли он, что сможет в одиночку справиться с Красной армией? Похоже, что верил. Иначе зачем он добивался доставки в Крым большого количества оружия, а также переброски туда из Польши десятков тысяч военнослужащих, что могло только затруднить последующую эвакуацию? Вероятно, после разгрома советских войск под Варшавой Врангель недооценивал Красную армию. Даже называемые им сроки (несколько месяцев) переброски с запада

на юг основной массы советских войск после заключения советско-польского перемирия были существенно завышены. На самом деле советскому командованию хватило на эту операцию не более трех недель, причем часть войск, в том числе 1-я Конная армия, начали передислокацию на врангелевский фронт еще до заключения перемирия.

Кажется, Врангель все-таки не ожидал, что поляки так быстро заключат перемирие с большевиками. Епископ Вениамин вспоминал: «Были возобновлены официальные сношения с поляками, чтобы вместе бороться против красных, которые тогда угрожали Польше разгромом... И когда генералу Врангелю некоторые говорили, что союз с поляками есть измена России, он отвечал известной формулой Кавура*, с изменением конца: “Хоть с дьяволом, только бы против большевиков!” Но как только поляки, с помощью Франции и под предводительством начальника ее штаба генерала Вейгана, разделались с большевиками, то немедленно бросили и своего союзника Врангеля, которого прежде хотели использовать лишь в собственных видах. Это очень разозлило Врангеля...»

Вероятно, Петр Николаевич рассчитывал, что поляки будут продолжать войну для того, чтобы водворить его правительство в Кремль. Но Пилсудский был опытным политиком с социалистическим прошлым. Он прекрасно понимал, что Врангель по своим убеждениям монархист и сторонник единой и неделимой России, хотя и не выдвигает открыто этих лозунгов, опасаясь негативной реакции внутри России, а также со стороны западных держав. Поэтому продолжать войну он мог, только если бы Врангель признал границы Польши и независимость Украины. Создание украинского «буферного» государства между Россией и Польшей было главной целью начатой Пилсудским войны. Но Врангель не мог пойти на столь большие уступки Польше, которые многие его соратники расценивали как предательство. А если бы он все-таки пошел на этот компромисс с Польшей, переступив через собственные принципы, то, возможно, вошел бы в историю как русский де Голль (или тогда бы де Голля называли французским Врангелем?). И ход мировой истории тогда, наверное, был бы иным: не было бы ни Советского Союза, ни мирового коммунистического движения, ни — как знать? — Второй мировой войны.

Добить Красную армию осенью 1920 года, казалось, не представляло труда. В ходе Варшавского и последовавшего за

* *Камилло Бензо ди Кавур* (1810—1861) — итальянский граф, сыгравший наряду с Джузеппе Гарибальди ведущую роль в объединении Италии и ставший ее первым премьер-министром. (Прим. ред.)

ним столь же неудачного для красных Неманского сражения их войска потеряли более ста тысяч пленными. Еще 50 тысяч красноармейцев оказались интернированы в Восточной Пруссии. Кроме того, в период с апреля по октябрь 1920 года Красная армия потеряла около сорока восьми тысяч убитыми и умершими от ран, а также, вероятно, вдвое больше этого числа ранеными. В результате из строя выбыло около трехсот тысяч красноармейцев, то есть больше, чем было сосредоточено в свое время против Деникина. По преимуществу это были фронтовые потери, так как тыловые части в большей степени смогли избежнуть плена или интернирования. Это составляло не менее половины всех сил Красной армии, сражавшихся на фронтах. Ее командование не хотело посыпать оставшиеся боеспособные части против поляков, опасаясь их разгрома.

Как утверждает польский историк Иосиф Мацкевич, сам участвовавший в Варшавском сражении рядовым уланом, после Варшавы настало «массовое бегство дезорганизованного противника». А по свидетельству командира 26-го уланского полка Тадеуша Махальского, «одно появление нашей кавалерии к северу от Лиды вызвало такое впечатление, что привело к нарушению всей советской обороны вдоль Немана».

Пилсудский полагал, что Деникин мог бы стать союзником Польши, «если бы он не противился политическим тенденциям отрыва от России инородных элементов» и, в частности, «признал бы украинское движение...». Но из-за его приверженности лозунгу «Единая и неделимая Россия» это было невозможно. Поэтому ставка была сделана на его преемника. Инструкция, данная Пилсудским командующему польским Волынским фронтом в 1919 году генералу Листовскому, гласила: «Так как официальное строительство Украины (как враждебного России самостоятельного государства) выявило бы наше враждебное отношение к Деникину, что для нас невыгодно, то планы эти надлежало скрывать и от Деникина, и от Антанты и к выполнению их можно приступить только после падения Деникина».

О борьбе мнений по другую сторону фронта рассказывается в мемуарах Троцкого:

«Командование Западного фронта обнадеживало: прибыло достаточно пополнений, артиллерия обновлена и пр. Желание являлось отцом мысли. “Что мы имеем на Западном фронте? — возражал я. — Морально разбитые кадры, в которые теперь влито сырое человеческое тесто. С такой армией воевать нельзя. Вернее сказать, с такой армией можно еще кое-как обороняться, отступая и готовя в тылу вторую армию, но бессмысленно думать, что такая армия может снова под-

няться в победоносное наступление по пути, усеянному ее собственными обломками". Я заявил, что повторение уже совершённой ошибки обойдется нам в десять раз дороже и что я не подчиняюсь намечающемуся решению, а буду апеллировать к партии. Хотя Ленин формально и отстаивал продолжение войны, но без той уверенности и настойчивости, что в первый раз. Мое несокрушимое убеждение в необходимости заключить мир, хотя бы и тяжкий, произвело на него должное впечатление. Он предложил отсрочить решение вопроса до того, как я съезжу на западный фронт и вынесу непосредственное впечатление о состоянии наших армий после отката. Это означало для меня, что Ленин, по существу дела, уже присоединяется к моей позиции.

В штабе фронта я застал настроения в пользу второй войны. Но в этих настроениях не было никакой уверенности: они представляли отражение московских настроений. Чем ниже я спускался по военной лестнице — через армию к дивизии, полку и роте, тем яснее становилась невозможность наступательной войны. Я отправил Ленину на эту тему письмо, написанное от руки, не сняв для себя даже копии, а сам отправился в дальнейший обезд. Двух-трех дней, проведенных на фронте, было вполне достаточно, чтобы подтвердить вывод, с которым я приехал на фронт. Я вернулся в Москву, и Политбюро чуть ли не единогласно вынесло решение в пользу немедленного заключения мира».

Если бы Политбюро не послушало Троцкого и послало последние боеспособные соединения на Польский фронт, чтобы попытаться предпринять еще одно наступление, Красную армию ожидала бы катастрофа. Продолжать войну было немыслимо. Польская армия насчитывала около 1,2 миллиона человек, из которых на фронте находилось не менее 250 тысяч штыков и сабель. Из пяти миллионов списочного состава Красной армии около миллиона составляли дезертиры. Кроме того, у поляков были союзники — не менее двадцати тысяч человек в армии Петлюры, полторы-две тысячи в Народной армии С. Н. Булак-Балаховича и до пяти тысяч человек в 3-й врангелевской армии Пермыкина и казачьей бригаде есаула Яковлева. Если добавить к этому еще 44 тысячи штыков и сабель в армии Врангеля, то получится, что антибольшевистские силы в тот момент на фронтах Европейской России имели даже некоторый численный перевес над Красной армией. Кроме того, все эти соединения можно было пополнять за счет пленных красноармейцев.

Польская армия в тот момент качественно превосходила силы красных. Войска Пilsudского были воодушевлены на-

циональной идеей, хорошо обучены кадровым офицерским корпусом из состава русской, австрийской и немецкой армий, а также французскими военными советниками. Имелась полная возможность во взаимодействии с Врангелем разбить остатки Красной армии и еще до наступления зимних холодов захватить Киев и Москву. 560 километров от Варшавы до Минска польская армия прошла за два месяца. Оставшиеся 700 километров до Москвы можно было пройти гораздо быстрее, поскольку уже в октябре красные почти не оказывали сопротивления продвижению поляков.

Противодействие польского сейма продолжению войны не могло бы тут играть принципиальную роль. Если бы с Врангелем было достигнуто соглашение, его сопротивление было бы преодолено. И даже если бы Франция уменьшила военные поставки Польше, для окончания кампании в течение одного-двух месяцев могло бы хватить военных трофеев. Но не было даже проекта соглашения с Врангелем, и Пилсудский не стал продолжать войну.

Как отмечали Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис, еще 23 сентября чрезвычайная сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета в целях предотвращения зимней кампании, которая тяжким бременем легла бы на трудящиеся массы России и Польши, признала возможным смягчить первоначально выставленные условия мира:

«Согласно новым условиям устанавливалась независимость Литвы, Украины, Белоруссии и Восточной Галиции, причем в отношении последней советское правительство признавало плебисцит по буржуазно-демократическому, а не по советскому принципу. Далее советское правительство отказывалось от всех своих требований в отношении польской армии и ее вооружения, а также от железнодорожного участка Волковыск—Граево. Государственная граница согласно нашему новому предложению намечалась восточнее линии, установленной Верховным союзным советом 3 декабря 1919 г., причем Восточная Галиция оставалась к западу от нее.

Уже 24 сентября в своей директиве на имя всех командующих фронтами главком основной задачей настоящего времениставил “окончательную ликвидацию Врангеля в возможно короткий срок”. В связи с этим главной задачей Западного фронта теперь являлось восстановление его боевых сил и подготовка к решительному удару против поляков совместно с Юго-Западным фронтом. Этот удар предвиделся не ранее середины ноября. Юго-Западному фронту ставилась задача — выигрыш времени до подхода крупных подкреплений, которые будут даны после ликвидации Врангеля».

Польские войска 2 (15) октября без боя взяли Минск, а 4 (17) октября, в последний день боевых действий, — Мозырь и Коростень. Но еще 29 сентября (12 октября) было подписано соглашение о перемирии, которое вступило в силу 18 октября. А уже 27 октября (9 ноября) был подписан предварительный мирный договор.

Пилсудский вызвал врангелевского представителя Махрова 30 сентября (13 октября) и сообщил ему о предстоящем подписании перемирия. Он предложил, чтобы русские войска покинули польскую территорию до дня вступления в силу договора — 5 (18) октября, иначе их придется интернировать. После поездки в Париж к Струве Махров вошел в контакт с петлюровцами, и русские войска были передислоцированы в районы, занятые частями Украинской народной армии.

Франция не отказалась от признания Врангеля. 6 (19) октября в Крым прибыла французская миссия во главе с верховным комиссаром графом де Мартелем. 10 (22) октября Струве даже сообщил, что есть надежда на получение займа во Франции. Но тогда уже наступали последние дни белого Крыма.

Получилось так, что осенью 1920 года Врангелью противостояли наиболее боеспособные соединения Красной армии, не затронутые варшавской катастрофой. Врангель, как и Пилсудский, хотел воодушевить свои войска национальной идеей, однако к исходу третьего года Гражданской войны это не получилось. Белые войска слишком устали, да и популярных политических лозунгов, способных привлечь казачество и крестьянство, барон так и не выдвинул. К тому же в качестве мобилизационной базы он имел лишь трехмиллионное население Крыма и Северной Таврии.

После провала Кубанской операции Врангель свел свои войска в две армии: 1-ю армию А. П. Кутепова составили 1-й и Донской корпуса, а 2-ю армию Д. П. Драценко — 2-й и 3-й корпуса и Терско-Астраханская бригада. И. Г. Барбович возглавил Отдельный конный корпус. После неудачи Заднепровской операции Драценко был заменен Ф. Ф. Абрамовым. В начале сентября у белых было 28 400 штыков и 15 500 сабель, у красных (в Северной Таврии) — 38 400 штыков и 7080 сабель. Общая списочная численность военнослужащих Русской армии (вместе с тыловыми и охранными частями, военными учреждениями, учебными лагерями для мобилизованных военнопленных и кадетскими училищами) достигала в тот момент трехсот тысяч человек, включая 30 тысяч раненых и больных. В Северной Таврии находилось до 110 тысяч солдат, из них 44 тысячи — в боевых частях. В Крыму в боевых частях было до шести тысяч человек. В октябре боевой состав значительно сократился. Из примерно пятидесяти тысяч офицеров только

шесть тысяч находились в боевых частях и еще 13 тысяч — в ближнем тылу. 31 тысяча офицеров служили в тыловых учреждениях или были ранены и больны. В конце сентября Врангель получил последнее пополнение — две тысячи кубанских казаков Повстанческой армии генерала М. А. Фостикова, вывезенных из Грузии.

Хотя Врангель и говорил о необходимости взаимодействия с поляками, в сентябре он предпочел развивать наступление на Донбасс. Н. Е. Какурин описывает оперативную обстановку на этом направлении: «1 сентября противник перешел в общее наступление против каховской группы и оттеснил ее в исходное положение, но при этом ему все-таки не удалось овладеть каховским плацдармом, и бои здесь замерли 5 сентября... 19 сентября противнику удалось овладеть гг. Александровском и Ореховом, а 23 сентября он занял важную узловую станцию Синельниково. Однако, вскоре очистив ее, он оттянул свой фронт на Славгород, продолжая зато развивать усиленно давление в сторону Донецкого бассейна. К 29 сентября донской корпус армии Врангеля подошел к границе Донбасса у ст. Доля и Мандрыкина, а южнее перешел за линию железной дороги Волноваха—Мариуполь, заняв эти пункты». В этих боях врангелевцы захватили до двенадцати тысяч пленных, 40 орудий, шесть бронепоездов. Но это были последние серьезные успехи Русской армии.

В сентябре наркомвоенмор Троцкий написал взвывание к кадровому составу войск противника:

«Офицеры армии барона Врангеля!

Время, опыт должны были обнаружить перед большинством из вас ту преступную и постыдную роль, какую вам навязали ваши вожди, в то время как трудовая Россия истекает кровью в борьбе с польской шляхтой, которую поддерживают хищники всех стран.

Вы, русские офицеры, выполняете роль вспомогательного отряда на службе польских панов.

Кто вас ведет? Черносотенный немецко-русский барон, который пытался стакнуться с кайзером Вильгельмом против Антанты; который вел интриги против Деникина, обвиняя его в демократизме; который сейчас выставляет свою кандидатуру на роль хозяина-монарха России.

Сознавая, однако, свое бессилие, барон Врангель готов отдать своим покровителям и господам три четверти России на растерзание, чтобы остальную четверть поработить самому. Английские газеты разоблачили соглашение Врангеля с французским правительством; по сообщению “Дейли Телеграф” от 19 августа, он передал французскому синдикату монополию

вывоза из южных гаваней. “Дейли Геральд” от 30 августа сообщает, что Врангель передал французской буржуазии эксплуатацию всех железных дорог Европейской России, таможенные пошлины, хлеб по норме довоенного экспорта, уголь, три четверти добычи нефти и пр.

Врангель живет и действует милостью англо-французских капиталистов, которые для экономического закабаления русского народа готовы пользоваться и чехословацким корпусом, и дивизиями из чернокожих, и армией Врангеля.

Каковы бы ни были ваши первоначальные намерения, вы являетесь сейчас не чем иным, как наемным войском на службе биржевого капитала и вспомогательным отрядом кровожадной и хищной польской шляхты, ненавидящей трудовой русский народ.

Попытки Врангеля перекинуться на Кавказ разбиты, десанты его сокрушены; неделей раньше или неделей позже ваша армия будет разбита. В этом вы сами не можете более сомневаться, но этот результат будет достигнут ценой новых потоков крови и дальнейшего истощения нашей страны.

Не довольно ли уроков прошлого?

Не слишком ли ясно теперь для всех, что затягивание борьбы в Крыму, бесцельное само по себе, способно только усилить польских панов и помочь им держать в кабале Восточную Галицию?

Рабоче-крестьянская Россия нуждается в труде, в хозяйственном и культурном возрождении. Оно может быть достигнуто лишь путем прекращения бессмысленной и бесполезной гражданской войны.

Во имя единодушного труда всех и всего, что есть честного в русском народе, руководимые заботой о возрождении трудовой России, мы призываем вас:

Откажитесь от постыдной роли на службе польских панов и французских ростовщиков, сложите оружие, бесчестно направленное против собственного народа. Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти — не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем, переходящим на сторону Советской власти.

Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения».

Кроме Л. Д. Троцкого воззвание подписали В. И. Ленин, М. И. Калинин, главнокомандующий С. С. Каменев и председатель Особого совещания при главнокомандующем А. А. Брусилов. Оно было опубликовано в «Правде» 12 сентября 1920 года и широко растиражировано в листовках, разбрасывавшихся над врангелевскими позициями.

Вряд ли сведения из британских газет, которыми оперировал Троцкий, насчет далекоидущих экономических обязательств, данных Врангелем французам, соответствовали действительности. Во всяком случае, никаких доказательств этого до сих пор не найдено ни в французских архивах, ни в архиве Врангеля.

Практически никто из врангелевских офицеров на призыв Троцкого не откликнулся. В тот момент, после поражения советских войск под Варшавой и успехов Русской армии в Северной Таврии, у них еще была надежда если не на победу, то на «почетную ничью». Однако обещание амнистии, повторенное затем в обращении командующего фронтом М. В. Фрунзе, породило у многих офицеров иллюзии, что советская власть готова их простить. Поэтому многие из них предпочли остаться в Крыму, что сделало их впоследствии легкой добычей ЧК.

Врангель решил предпринять Заднепровскую операцию на правом берегу Днепра, чтобы соединиться с украинской армией Петлюры и 3-й армией Б. С. Пермыкина еще до того, как красные успеют перебросить войска в Северную Таврию после советско-польского перемирия.

«Сосредоточение крупных сил с Польского фронта осенью 1920 г., — пишет Н. Е. Какурин, — сделалось известным противнику. Он предпринял последнюю свою наступательную операцию в целях сорвать это сосредоточение. Для этого предполагалось сбить каховскую группу красных войск и расчистить себе путь на правобережную Украину. Выполнение операции возлагалось на II армию Врангеля. Переправившись частью сил через Днепр между Каховкой и Александровском, она должна была занять Никополь и затем согласованным ударом со стороны Никополя и с фронта на Каховку овладеть последней. Противник начал свою операцию 8 октября... Лобовая атака на Каховку была отбита с огромными потерями для противника. Все эти обстоятельства побудили противника отказаться от дальнейшего производства так называемой заднепровской операции...»

Редактор газеты «Великая Россия» Н. Н. Чебышев 23 сентября был приглашен Врангелем сопровождать его с группой журналистов в поездке на фронт. Главком надеялся продемонстрировать обществу успехи Заднепровской операции. 25 сентября они прибыли в Мелитополь. Чебышев увидел его таким: «Городишко дрянной, южно-степной. На базаре только арбузы по 100 рублей и выше — на несколько сотен дешевле, чем в Севастополе. Прогнали партию ежившихся от холода людей, полураздетых, в рубашках и портках (вероятно, пленных). —

Б. С.). На стенах афиши о гастролях Сарматова, Петипа. В лавках колбаса, масло».

Чебышев зафиксировал в дневнике настроения местного населения:

«Всё в зависимости от военных успехов. Пока шли бои в Мелитопольском уезде, крестьяне ходили около земельного закона. Как взяли Александровск — хвосты у земельного совета. Характерно отношение немецких колонистов к закону. Их старшина сказал:

— Наше правосознание не позволяет нам получать землю бесплатно».

А вот большинство русских и украинских крестьян ничего зазорного в том, чтобы получать землю бесплатно, не видели.

Оперативная обстановка не внушала оптимизма, но, как 26 сентября Чебышев заметил о Врангеле, «о дурных вестях он не любит говорить».

В последний день своего пребывания на фронте, 1 октября, Николай Николаевич записал в дневнике: «Утром после чая вышел на соседние пути, где нагружали вагоны пленными. Толпа сплошь золоторотцев, кутавшихся в лохмотья, из которых выступало голое тело. Все зеленая молодежь. Изредка попадаются постарше. Такие уже раз побывали в плену, вернулись обратно к красным, опять попали в плен к белым... Такой бывалый пленный смотрит “путешественником”, лучше одет, имеет чайник, вообще, видно, приспособился.

Среди зрителей бородач с мешком. Он спрашивает:

— Здорово дрались?

— Кабы здорово дрались — там бы остались, — дипломатично отвечает пленный.

Присутствующий при разговоре железнодорожный служащий делает ироническое замечание:

— Так же дрались, как вы здесь спекулируете.

Начинается перебранка. Бородач развязывает мешок, чтобы показать содержимое. Проходит пленный, который тащит на спине больного товарища».

В этот день, 1 (14) октября, шесть с половиной тысяч врангелевцев при поддержке десяти танков и четырнадцати броневиков в последний раз неудачно атаковали каховский плацдарм. А накануне в бою на правом берегу Днепра погиб генерал Н. Г. Бабиев, по мнению Чебышева, один из лучших кавалерийских генералов: «Он был несчетное число раз ранен, лишился руки. Смерть его вызвала заминку на правом берегу. Он был холост. За ним в тачанке следовали в походе его престарелые родители. Отец — старик-генерал...»

Падению боевого духа врангелевских войск способствова-

ли гибель Н. Г. Бабиева и тяжелое ранение заменившего его другого популярного генерала В. Г. Науменко, выбывшего из строя до конца боев в Крыму.

Впоследствии Чебышев так прокомментировал сложившуюся к тому времени в Крыму ситуацию:

«Вернулся я в Севастополь печальный. В момент отхода поезда ночью из Мелитополя Врангель получил новое неприятное известие. Позже, в Севастополе, я узнал, что это было донесение о налете прорвавшейся конницы красных на Большой Токмак. По-видимому, и нашему поезду угрожало в ту ночь быть захваченным большевиками.

Когда я уезжал в Мелитополь, у нас в газете были уже сведения о мире поляков с большевиками. Чуть ли не я первый сообщил об этом Врангелю в поезде. Было совершенно очевидно, что красные навалятся теперь на Крым, удержать который представлялось немыслимым.

Врангель свои задания выполнил. Теперь наступило время уходить. Он отлично это понимал. Но для успеха исхода положение вынужден был скрывать».

Главнокомандующий, по крайней мере внешне, продолжал сохранять спокойствие. Он даже принял участие в экономическом совещании, проведение которого было запланировано еще в период успехов белой армии. Чебышев вспоминал: «5 октября финансово-экономическое совещание закончило свою работу. Во дворце был раут с речами, из которых мне особенно врезалось в память обращение к Врангелю В. П. Рябушинского. Я приглядывался к Врангелю. Но он владел собой. Надо было и эту чашу выпить до дна...»

Общее настроение овладело и Чебышевым:

«Меня звал В. В. Мусин-Пушкин в Константинополь, так как уже ранее было условлено, что я перееду корреспондентом и представителем “Великой России” на Босфор. Я ответил, что остаюсь на неопределенное время, хотя для самого было ясно, что останусь я здесь недолго. Нет ничего унылее обреченных на сдачу позиций.

Дул норд-ост. Стояла жестокая стужа. Я щеголял в летнем пальто, потому что теплое осталось в Константинополе.

Море стало зеленее, падала крупа. По всему фронту началось наступление красных, стянувших со всех концов страны верные войска, преимущественно с польского фронта. И в то же время искорки надежды. Произойдет чудо. По иностранным газетам, в совдепии всюду военные бунты».

Врангелевцам оставалось уповать на успех антоновского восстания на Тамбовщине и других крестьянских выступлений. Хотя, как показал опыт взаимоотношений с Махно, кре-

стяне-повстанцы и их атаманы белым симпатизировали ни-
чуть не больше, чем красным.

После советско-польского перемирия белый Крым был обречен. Теперь против него сосредоточивались все боеспособные силы Красной армии. Казалось, очевидным было единственное верное стратегическое решение: как можно быстрее отвести войска из Северной Таврии в Крым и немедленно начать эвакуацию. С того дня, когда Врангелю стало известно о предстоящем перемирии, до начала решающего советского наступления в Северной Таврии прошло две недели. За это время можно было спокойно отвести армию в Крым и эвакуировать тылы, а затем, удерживая перешейки еще в течение пары недель, завершить эвакуацию, вывезя из Крыма не только основную часть армии, но и всех гражданских беженцев, которые хотели покинуть Россию. Примерно такой вариант действий предлагал А. П. Кутепов. По словам М. Критского, «уже за границей генерал Кутепов высказал такой свой взгляд на причины падения Крыма с чисто военной точки зрения. Кутепов говорил:

— Кубанская операция была несвоевременна. Она оттянула у нас пять тысяч штыков в тот самый момент, когда большевики повели наступление по всему нашему фронту. Пяти тысяч для десанта было мало, но их было бы достаточно, чтобы противник не овладел Каховкой.

— Неудачным я считаю разделение Русской армии на две армии перед самой Заднепровской операцией. Непосредственное руководство войсками при этой операции должно было бы находиться в одних руках. У нас в Крыму было, по существу, штыков и сабель всего на один корпус военного времени, а им командовали главнокомандующий, два командующих и четыре командаира корпуса.

— После Заднепровской операции, когда окончательно выяснилась полная невозможность овладеть Каховским плацдармом красных, в то же время было получено известие о начавшихся мирных переговорах поляков с большевиками, я предлагал генералу Врангелю начать отводить армию из Северной Таврии за Перекоп. Отход был бы без давления на фронте, войска шли бы спокойно, с музыкой. За время отхода можно было бы из Таврии вывезти в Крым все наши хлебные запасы. Дух в войсках не был бы потерян. На Перекопе войска сами укрепили бы свои позиции, и мы смело могли бы отсидеться в Крыму всю зиму. Как потом обернулось бы дело, трудно сказать, но в тот год в России разразился страшный голод, в Тамбовской губернии поднял восстание Антонов, в Кронштадте загремели выстрелы матросов.

— Врангель не согласился с моим планом, так как считал, что очищение нами Северной Таврии могло бы неблагоприятно повлиять на наши переговоры с Францией...»

Критику нельзя не признать справедливой. Какое значение могла бы иметь даже значительная французская помощь, если не было шансов удержать Крым? Да и расчет разбухания тылов Кутепов был прав. Ведь на фронте был лишь каждый седьмой военнослужащий Русской армии.

Однако даже в то время Врангель, похоже, не считал дело окончательно проигранным. Он еще надеялся продолжить борьбу в союзе с армией Петлюры и 3-й армией Пермыкина в Польше. Еще 6 (19) октября барон писал Слащеву: «Дела наши на фронте идут хорошо, и я не знаю, отчего Вы ими обеспокоены. В связи с заключением Польшей перемирия следует ожидать вскоре усиления против нас врага и при этих условиях растягивать фронт нельзя — надо бить противника, не давая ему сосредоточиться, пользуясь для обеспечения наших флангов естественными рубежами».

Можно предположить, что Петр Николаевич серьезно недооценивал потенциал Красной армии и переоценивал силы своих союзников. Украинская народная армия обладала довольно низкой боеспособностью и полностью зависела от поляков в плане снабжения. Когда Пилсудский заключал союз с Петлюрой, он вынудил его передать Польше Восточную Галицию и Волынь, где как раз и находились важные очаги украинского национального движения. Первоначально Петлюре было запрещено проводить мобилизацию в уездах, граничных с Польшей, так как поляки опасались, что это спровоцирует там украинское восстание. Все эти обстоятельства не могли не сказаться негативным образом на моральном духе петлюровских войск. Немногочисленная армия Пермыкина также состояла из наименее боеспособных элементов интернированных в Польше белых войск, так как все наиболее активные бойцы, желавшие продолжать борьбу, уже переправились в Крым вместе с Н. Э. Бредовым.

Да и в самой Русской армии, как признавал Врангель в мемуарах, после неудачи в Заднепровской операции боевой дух был потерян. Несмотря на ряд громких побед, одержанных ею в ходе кампании в Северной Таврии, количество пленных и трофеев было на порядок меньше, чем в последние месяцы 1918 года, во время освобождения Северного Кавказа от красных, или в середине 1919-го, когда был взят «красный Верден» — Царицын. Если даже при относительном равенстве сил не удалось основательно разбить противника, на что же было надеяться теперь, при подавляющем превосходстве

красных? Врангель писал о том, что задержаться в Северной Таврии необходимо было для того, чтобы вывезти оттуда весь заготовленный хлеб. Однако хлеба в Крыму и так хватало до нового урожая. Если хлебные запасы Северной Таврии и были нужны, то лишь для экспорта во Францию. Но даже поставка нескольких миллионов пудов зерна не заставила бы французов поддерживать безнадежное врангелевское дело.

Быть может, Петр Николаевич считал неудобным уходить из Крыма, не дав последнего боя красным, чтобы не быть обвиненным в малодушии. Во всяком случае, хотя на военном совете он и настоял на том, чтобы дать сражение в Северной Таврии, но не забывал и о подготовке эвакуации. Пересидеть зиму в Крыму он не надеялся. Продовольствия хватало, но не было ни теплой одежды для войск, ни, еще важнее, боеприпасов. А Франция вряд ли согласилась бы еще полгода снабжать запертую на полуострове Русскую армию.

Врангель еще в сентябре вернул всех подростков из армии на школьные скамьи, а приказом, изданным 15 (28) октября, в день начала последнего сражения в Северной Таврии, освободил от службы всех солдат старше сорока трех лет. Фактически он уже начал подготовку к эвакуации и таким образом уменьшал число тех, кто ей подлежал.

Вполне вероятно, что Врангель уже тогда думал о том, чтобы сохранить армию в эмиграции и остаться ее главнокомандующим, что явно грело его честолюбие. Но тогда барону не нужны были слишком большое число беженцев, о судьбе которых так или иначе пришлось бы заботиться, и слишком большая армия, которую сложно было бы содержать и в которой трудно было бы поддерживать дисциплину на чужбине. Возможно, именно поэтому Врангель предпочел дать сражение в Северной Таврии, в расчете на то, что бывшие красноармейцы и прочие ненадежные элементы предпочтут сдаться в плен. И, скорее всего, по тем же соображениям он потом издал приказ, призывающий всех, кому не угрожает непосредственная опасность от большевиков, остаться в Крыму. Врангелю в эмиграции нужны были только убежденные противники советской власти, которые беспрекословно подчинялись бы его приказам.

К середине октября численность войск советского Южного фронта превысила 186 тысяч штыков и сабель. Непосредственно на фронте врангелевцам противостояли более 140 тысяч штыков и сабель, тысяча орудий, 17 бронепоездов, 31 броневик, 45 самолетов. В Русской же армии насчитывалось 37 тысяч штыков и сабель, 213 орудий, около 1700 пулеметов, шесть бронепоездов, 20 броневиков, 25 танков, 42 самолета. Среди

рядовых до 80 процентов составляли бывшие пленные, которые могли быть использованы только во время наступления.

Несмотря на четырехкратное превосходство красных в живой силе, военный совет Русской армии высказался за то, чтобы принять решающий бой в Северной Таврии.

Общее контрнаступление Красной армии на фронте в 350 километров началось 15 (28) октября 1920 года. Как раз ударили сильный мороз, а войска белых не имели достаточного количества теплой одежды. Врангелю пришлось срочно заказать за границей 100 тысяч комплектов зимнего обмундирования, но они были доставлены лишь за несколько дней до эвакуации.

Советский военный историк Н. Е. Каурик характеризует планы советского командования: «VI армия от Каховки направлялась на Перекопский перешеек с задачей овладеть этим последним, отбросив стоявший против себя заслон противника. I конная армия должна была направиться из района Каховки в общем направлении на Мелитополь, а затем ударом с тыла обрушиться на главные силы противника, которые предполагались в районе Агайман—Серогозы. II конная армия, переправившись на левый берег Днепра в районе Никополя, должна была нанести удар прямо на юг в общем направлении на ст. Сальково... XIII армия завершала окружение противника путем овладения Б. Токмаком и Мелитополем. Конечной целью действий всех этих армий являлось недопущение ухода противника в Крым».

Глубокий прорыв конницы Буденного явился полной неожиданностью для противника, но промедление 2-й Конной армии и задержка 6-й армии на Перекопе дали ему возможность разобраться в обстановке и наметить план отхода. Правда, группа Махно, ставшего союзником красных, 16 (29) октября ворвалась в Мелитополь, и план вывоза в Крым двух миллионов пудов хлеба был сорван.

Врангель приказал Донскому корпусу и корпусу Кутепова отступать на Чонгарский перешеек. 17—18 (30—31) октября донцы и «цветные» полки пробились сквозь дивизии 1-й Конной армии и в течение следующих двух дней, прикрывшись арьергардами, ушли в Крым. При этом Русская армия потеряла около сотни орудий и семь бронепоездов, много боеприпасов, более двадцати тысяч белогвардейцев были взяты в плен.

Н. Е. Каурик и И. И. Вацетис утверждали, что главная вина за то, что врангелевцам удалось прорваться в Крым, лежит на 2-й Конной армии: «Между Мелитопольской и Серагозской группами противника создался разрыв до 35 км. В этот разрыв могла броситься конная группа 2-й конной армии

из Бол. Белозерки. Продвинувшись только на 20—25 км к югу, на что требовалось не более 5—6 ч., эта группа, вклиниваясь между обеими группировками противника и нанося удар одной из них по тылам, а другой — во фланг, создавала для противника катастрофическое положение. Но противник, не имея действительных средств к ее устраниению, делает ставку на психологию. Налет двух конных полков на Бол. Белозерку, хотя и отбитый, оказывает свое действие, сковав на целый день все силы 2-й конной армии, которой в этот день представлялись такие богатые оперативные возможности...

Мысль командующего Южным фронтом о полном окружении противника нашла свое реальное оформление в виде занятия Южной группой 1-й конной армии Салькова и Геническа ранее, чем туда успели подойти части белых с Мелитопольского направления...

В районе, прилегающем к Чонгарскому перешейку, намечаются уже два новых очага операции: у с. Рождественское и с. Отрада, куда компактной массой устремляется группа Кутепова, чтобы проложить себе путь на юг через вторую пробку, выставленную на ее пути 1-й конной армией.

Наиболее сохранившаяся группа белых с Мелитопольского направления, в свою очередь, только теперь начинает подходить к Салькову с намерением выбить третью пробку на пути в Крым в виде Южной группы 1-й конной армии...

2-й конной армии представляется случай сыграть решительную не только в тактическом, но и оперативном отношении роль. Ей надлежало обрушиться на группу Донской конницы, действующей на Сальковском направлении, подать руку левому флангу 13-й армии и, увлекая его за собой, сорвать планомерный отход противника в Крым. Но и этот день она проводит в полном бездействии и упускает еще один случай сорвать отход белых...

Важно отметить, что отход Кутеповской группы был совершен беспрепятственно, так как наши части, расположенные в с. Петровское, позволили противнику частью своих сил совершить ночной фланговый марш мимо них».

Конечно, большая доля вины за то, что красные выпустили Врангеля из Северной Таврии, лежит на командарме 2-й Конной армии Ф. К. Миронове, который вскоре был арестован и расстрелян. Он, вероятно, просто берег своих казаков, сознавая, что война кончается, а Врангель всё равно уйдет из Крыма. Но 1-я Конная армия под руководством Буденного выступила не лучшим образом. Силы красных были значительно ослаблены поражениями на Польском фронте и последовавшим за этим моральным разложением, вылившимся в

мощные еврейские погромы на Украине. Вероятно, конармейцы, превосходившие по численности кутеповцев и арамавцев, могли бы нанести им поражение, если бы действовали неразрозненно и более решительно. Кроме того, довольно пассивной показала себя советская пехота.

М. В. Фрунзе воздал белым должное: «Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым. Отрезанные от перешейков врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа и хотя и с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров».

Теперь Фрунзе настаивал на немедленном штурме Крыма, чтобы противник не успел укрепиться на перешейках.

Я. А. Слащев так прокомментировал исход сражения в Северной Таврии: «Несмотря на то что план красного командования или его возможность были ясны еще в августе месяце благодаря упорному удерживанию и устройству Каюковского плацдарма, Врангель, желавший всё прикрыть в Северной Таврии, резерва, как я уже сказал, не оставил. Товарищ Буденный блестяще использовал положение и врубился в обозы белых в районе Ново-Алексеевки. Правда, пробившиеся с севера части донцов и Кутепова проложили себе дорогу назад, но ради этого должны были спешно уйти с фронта, да и конница для длительного удержания чего-нибудь не годится. Одним словом, конная операция красных была блестяща. Но красная пехота и вообще все части, преследовавшие белых, должны были бы поторопиться, тогда не ушел бы никто из армии Северной Таврии. Тут же разгром был главным образом моральный и обозный».

В книге «Требую суда общества и гласности», изданной еще в Константинополе в 1921 году, Слащев описал свой разговор с Врангелем: «Прибыв в Джанкой уже в тот момент, когда противник зашел в тыл нашим армиям у Салькова, я вполне присоединился к плану главкома, предлагавшего атаковать Буденного частями Донской и 1-й армий с севера на юг. При этом, однако, я высказал ему сомнение относительно того, сумеет ли генерал Кутепов выполнить эту задачу вовремя, и добавил, что главкому следует проехать к Сальково самому. Главком не поехал, объяснив это забитостью пути».

В мемуарах, изданных позже, уже в СССР, бывший белый генерал описал этот эпизод и последовавшие за ним события несколько иначе, выплеснув скопившиеся обиды:

«Интересный инцидент произошел при встрече моей с Врангелем, когда я, будучи вызван в Ставку и не застав ее в Севастополе, был отправлен в Джанкой. При моем входе он метался по салону своего вагона. Еле успели поздороваться,

он потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор.

Врангель: Вы знаете, Буденный здесь (палец ткнулся в Ново-Алексеевку).

Я: Сколько?

В.: 6—7 тысяч.

Я: Откуда он, с неба или Каховки?

В.: Шутки неуместны: конечно, с Каховки.

Я: Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они просят изложения обстановки.

В.: Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не наседают. Драценко в Перекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете?

Я: Есть ли у вас кто-нибудь в Салькове?

В.: Там Достовалов (начальник штаба Кутепова). С 2000 штыков Кутепова, и я ему с тыла собрал около 1500 штыков.

Я: Дайте взвесить... Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего начальника. Я бы отдал приказ: Достовалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом радио и атака в направлении Сальково — одновременно. Буденный принужден будет отойти, ему остается лазейка к северо-востоку, надо ему ее дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьезно драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе — на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20 000 шашек. Вот общий план. Мелочи: надо узнатъ, куда отойдет Буденный, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасен, потом можно будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

В.: Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлущей (Шатилов).

На том мы расстались. Я вернулся в Севастополь и был страшно удивлен, узнав, что главком тоже вернулся туда же. Кутепов пробился назад вместе с Абрамовым. А Врангель предпринять операцию и выехать впереди войск не рискнул. Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах,

оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1—2 верст без всяких приспособлений для жилья. Морозы наступили до 16 градусов. Была обстановка, подобная началу 1920 г., только войск насчитывалось 60 тысяч человек (строевых частей, приехавших в Константинополь, а сколько еще было брошено в Крыму). Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что они дерутся, трудно описать. Если это испытывали люди, подобные мне, это им поделом: они действовали сознательно и боролись за определенные идеи, но те, эта масса солдат и офицерства, в особенности последняя, которая сама часто была из прежних солдат, т. е. тех же крестьян, они-то при чем? Вот это вопрос, который заставлял меня очертя голову бросаться впереди цепей при первой обороне Крыма и который заставлял меня так долго колебаться уже тогда, когда я ушел после Каховского боя в отставку. Отлично сознаю, какой вред я этим принес, сознаю в особенности теперь, когда действительно занялся своим политическим образованием, — но как было поступить иначе тогда? Одно скажу: от понятия чести никогда не отступался; то, что обещал, я сделал, и, уже отойдя от дела, я переживал за других ужасы, на которые их обрекли деятели белых, метался от одного решения к другому, то возмущаясь Врангелем и его присными, то готовый с ними помириться, лишь бы избежать катастрофы. Окончательно растерявшийся Врангель для обороны перешейков решил сделать перегруппировку, т. е. на более доступное Перекопское направление направить более крупную армию Кутепова, а на Чонгарское посадить Драценко; по ходу же отступления Кутепов был на Чонгаре, а Драценко на Перекопе, и началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах)...

В доказательство своей окончательной растерянности Врангель сам остался в тылу у судов, а Кутепова назначил защищать Крым и производить рокировку войск. Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки. Часть людей в это время сидела в окопах, часть ходила справа налево и слева направо, но под натиском красных все вместе побежали.

Были отдельные случаи упорного сопротивления, были отдельные случаи геройства, но со стороны низов; верхи и в этом участии не принимали, они “примыкали” к судам. Что было делать рядовым защитникам Крыма? Конечно, бежать возможно скорее к судам же, иначе их предадут на расправу победителям. Они были правы. Так они и поступили.

11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в

полном отступлении, т. е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остается. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я командую обороной Крыма и призываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться».

Слащев, кажется, даже с некоторым злорадством живописует удручающие сцены паники и морального разложения:

«Когда я 13—14-го ехал обратно, то в тылу всюду были выступления в пользу красных, а мародеры и “люмпен-пролетариат” разносili магазины, желая просто поживиться. Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания и я мог наблюдать картины бегства и разгул грабежа. В ту же ночь я сел на случайно подошедший ледокол “Илья Муромец”, только что возвращенный французским правительством Врангелю и вернувшийся “к шапочному разбору”.

Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта, в сущности, нет, что его телеграмма “спасайся кто может” окончательно разложила его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы прийти в Крым с другой стороны.

Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере “Алмаз”, который к моему приезду уже вышел в море, а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на “Илью Муромца” по личной инициативе морских офицеров».

И Слащев, и Врангель сильно ошибались в оценке численности противостоявших Русской армии советских войск. В

своей первой книге Яков Александрович приводит данные, согласно которым у красных в Северной Таврии к 3 (16) октября насчитывалось 51 тысяча штыков и 26 500 сабель. При этом силы 1-й Конной армии, например, оценивались всего в шесть тысяч всадников, без учета Особой кавалерийской бригады. На самом деле 1-я Конная армия по прибытии на врангелевский фронт по состоянию на 2 октября насчитывала 1577 человек комсостава, 13 967 сабель, 2621 штык, 18 087 лошадей боевого состава, в том числе 16 396 строевых, 58 орудий, 259 пулеметов. Кроме того, в состав армии входили три бронепоезда, бронелетучка*, три автобронеотряда и три авиационных отряда — 20 самолетов. Врангелевская разведка приуменьшала силы противника минимум в два раза. Вероятно, это была одна из причин принятия рокового решения дать сражение в Северной Таврии. Фактически против Врангеля было брошено примерно две трети от численности тех войск, что в середине августа наступали на Варшаву и Львов, при этом у Русской армии было на порядок меньше сил, чем у польской армии Пилсудского.

Характерно, что в первой своей книге, писавшейся в Константинополе, Слащев утверждал, будто предлагал Врангелю уничтожить конницу Буденного. Ко времени создания второй книги, вышедшей в Москве, Яков Александрович уже имел возможность ознакомиться с советскими документами и узнать действительное соотношение сил, поэтому в ней он уже настаивал, что предложил оставить для Буденного лазейку, поскольку сил для его разгрома всё равно не хватит. Скорее всего, Слащев действительно предлагал Врангелю уничтожить 1-ю Конную, но тот, сознавая, что дух армии потерян, а силы неравны, предпочел дать Буденному уйти, опасаясь, что в противном случае кутеповцы могут понести слишком тяжелые потери.

Слащевская критика Врангеля за неуместную рокировку частей на перешейке справедлива с чисто военной точки зрения, но в тот момент эта ошибка уже не имела принципиального значения. Убедившись, что против Русской армии действуют значительно превосходящие силы противника, Врангель уже не надеялся отстоять Крым, поэтому и не стал лично руководить войсками в Северной Таврии, а потом на Перекопе. И дело здесь было не в трусости, а в нежелании связывать свое имя с заведомо проигрышными сражениями. Вот эвакуация

---

* Бронелетучка — бронированный паровоз с прицепленными спереди и сзади него двумя платформами, огороженными мешками с песком. (Прим. ред.)

из Крыма, надеялся Врангель, будет успешной, по крайней мере, по сравнению с провальной новороссийской. Потому он и спешил связать с ней свое имя, инспектируя на крейсере «Генерал Корнилов» готовившиеся к отплытию корабли. Правда, никакого практического значения эта инспекция не имела. Зато у находившихся на палубах солдат и беженцев на-всегда остался в памяти образ командующего, обходящего эскадру, готовившуюся вот-вот покинуть крымский берег. К этому Врангель и стремился.

Слащев предлагал оставить небольшую часть сил для активной обороны перешейков, а основную часть армии отправить в десантную операцию, чтобы ударить в тыл наступающим на Перекоп красным, памятуя, что именно эта тактика принесла успех во время первой обороны Крыма. Но Врангель, не сказав о том Слащеву, уже принял принципиальное решение об эвакуации. Теперь советское превосходство было значительно большим, чем в январе—марте 1920 года, и атакующие белые части были бы просто поглощены красной лавиной.

Как следует укрепить перешейки за восемь месяцев правления Врангеля так и не удалось — сказалось отсутствие ключей проволоки, строительных материалов и рабочих рук. Сергей Мамонтов вспоминал: «Перекоп всё лето укреплялся. Там были вырыты прекрасные окопы и даже несколько рядов с проволочными заграждениями. Но, как водится, командование забыло, что защитники — люди, и не подготовило ни землянок, ни колодцев, ни дров, ни складов провианта, ни складов патронов и снарядов. Когда мы попали на Перекоп в лютый мороз, снег и ветер, то жизнь там была невыносима. Правда, невыносима она была и для красных. Но их было много, и они могли меняться».

А. А. Валентинов свидетельствовал, что долговременных артиллерийских укреплений на перешейке не было вовсе: «Существовавшие полевые были весьма примитивны. Установка большей части артиллерии была рассчитана на последнюю минуту, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было, граница их не присыпала... Электрический ток, фугасы, якобы заложенные между ними, и т. п. — всё это было лишь плодом досужей фантазии».

Еще до начала последнего советского наступления на Перекоп Врангель начал готовить суда для эвакуации армии и гражданского населения, распорядившись обеспечить их углем и запасами воды и продовольствия. Чтобы не сеять панику, распускались слухи о предполагаемом десанте в Одессу.

Отошедшие в Крым войска Врангеля насчитывали 41 тысячу штыков и сабель. На их вооружении было более 200 ору-

дий, 20 бронеавтомобилей, три танка, пять бронепоездов. Силы советского Южного фронта к 26 октября (8 ноября) состояли из 158,7 тысячи штыков, 39,7 тысячи сабель, 3059 пулеметов, 550 орудий, пятидесяти семи бронеавтомобилей, двадцати трех бронепоездов, восьмидесяти четырех самолетов.

Главный удар Фрунзе нанес через Перекоп—Сиваш частями 6-й армии, армией Махно и 2-й Конной армией, а на Чонгаре и Арабатской стрелке вспомогательный удар осуществляли 4-я армия и 3-й Конный корпус.

В день, намеченный Фрунзе для десантирования через Сиваш, 23 октября (5 ноября), восточный ветер пригнал с моря воду, ее уровень на бродах поднялся до двух метров, и форсирование Сиваша пришлось отложить до нового обмеления.

Но уже на следующий день ветер переменился на западный и за сутки выгнал из Сиваша почти всю воду, что давало возможность пройти по бродам. В ночь на 26 октября (8 ноября) части 15, 51 и 52-й советских стрелковых дивизий и махновской конной группы, всего около двадцати тысяч штыков и сабель при тридцати шести орудиях, форсировали Сиваш, сломив оборону полуторатысячной бригады Фостикова с Литовского полуострова, угрожая с тыла защитникам Турецкого вала.

Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис последовательно, по дням описывают прорыв перекопских укреплений:

«В ночь с 7 на 8 ноября Дроздовская дивизия белых приступила к смене 13-й пехотной дивизии на Турецком валу, а 34-я стрелковая дивизия, бывшая в резерве II корпуса белых, начала свой отход в тыл. Но почти одновременно с этим 15-я и 52-я стрелковые дивизии и 153-я стрелковая бригада красных форсировали вброд Сиваш и вышли на Литовский полуостров... Противник сейчас же повернулся на помощь Фостикову 34-ю пехотную дивизию и, сменив 13-ю пехотную дивизию только двумя полками Дроздовской дивизии, двинул в контр-атаку против красных в общем направлении на Караджанай и остальные два полка Дроздовской дивизии.

К утру 8 ноября на выходах с Литовского полуострова загорелся упорный бой. В то же время 51-я стрелковая дивизия приступила к артиллерийской подготовке штурма Турецкого вала.

Атака 51-й стрелковой дивизии на Турецкий вал была отбита. Снова атака была предпринята около полудня в предшествии 15 броневиков, которые около 11 ч. двинулись в бой от с. Преображенка на ворота Турецкого вала. Эта атака должна была увлечь за собой пехоту 51-й стрелковой дивизии, которая залегла в 400 шагах от вала. Но пехота, бросившаяся вперед, была пригвождена к земле огнем неприятельской артил-

лерии. Зато не удалась и контратака двух полков Дроздовской дивизии в районе Караджанай. Добившись небольшого частного успеха, эти полки в конце концов частично положили оружие и сдались 153-й и 155-й стрелковым бригадам, несмотря на то, что эта атака была также поддержаны броневиками.

Прорыв красных на территорию Крыма привел в движение глубокие резервы противника. Он повернулся из Симферополя обратно на Джанкой 6-ю пехотную дивизию и двинул на Перекопское направление части Марковской дивизии, Корниловскую дивизию и конный корпус Барабовича из района Джанкоя. К концу дня 8 ноября части Марковской и Корниловской дивизий уже подходили к тыловой юшуньской позиции. Конный корпус Барабовича приближался к выходам с Литовского полуострова... Белым не только не удалось сбросить их с Литовского полуострова, но и не удалось воспрепятствовать их распространению в тыл Турецкого вала в направлении на Армянский базар. Положение бригады Дроздовской дивизии на Турецком валу в связи с этим становилось опасным, а потому в ночь с 8 на 9 ноября противник приступил к очищению Турецкого вала. В его распоряжении теперь оставалась тыловая юшуньская позиция, опираясь на которую он решил сделать последнюю попытку для ликвидации прорыва красных сил на Литовском полуострове. Это решение и привело к упорным боям за Литовский полуостров в день 9 ноября, причем обе стороны успели здесь усилиться за ночь.

У красных на Литовский полуостров переправилась армия Махно. У белых на юшуньской позиции уже устраивались части Корниловской и Марковской дивизий, а к выходам с Литовского полуострова подошла голова конного корпуса Барабовича...

Ночь с 9 на 10 ноября обе стороны использовали к дальнейшему своему усилению на Перекопском перешейке. Все преимущества в этом отношении были на стороне красных: на Литовский полуостров они выводили 16-ю кавалерийскую дивизию 2-й конной армии, которая успела уже сосредоточиться в районе Строгановки, а на усиление 51-й стрелковой дивизии выдвигали из резерва Латышскую дивизию. Белые же могли усилить свое положение только несколькими юнкерскими частями. Части Марковской дивизии сменили Дроздовскую дивизию на перешейке между озерами Старое и Красное... Утверждение красных на Литовском полуострове означало выигрыш для них операции. Они получали возможность вести ее в темпе последовательного нарастания своих усилий, вводя в дело свои многочисленные резервы, тогда как белые в борьбе за выходы с Перекопского перешейка и Литов-

ского полуострова израсходовали уже все свои резервы. День 10 ноября начался под знаком проявления наступательной инициативы красными и на Юшуньском, и на Адаманском направлениях...

День 11 ноября ознаменовался последней отчаянной попыткой противника восстановить свое положение на Литовском полуострове и выйти в тыл красным на Армянский базар. Противник собрал на Литовском полуострове против наших частей кулак из II армейского корпуса, конного корпуса Барабовича, остатков бригады Фостикова и Дроздовской дивизии.

Этот кулак с рассветом обрушился на нашу группировку на Литовском полуострове, отбросил ее почти на самую оконечность полуострова, и конный корпус Барабовича начал уже приближаться к Армянскому базару, выходя таким образом в тыл Юшуньской группы красных. Но эта последняя в свою очередь внезапным ударом прорвала последнюю линию юшуньской позиции и начала выходить в тыл группе белых на Литовском полуострове, что вынудило белых к поспешному отступлению под прикрытием заслона из Терско-Астраханской кавалерийской бригады.

Прорыв юшуньской позиции имел не только тактические, но и оперативные последствия: он знаменовал ликвидацию последнего организованного сопротивления белых и выход красных армий на широкие просторы крымских степей из узин Перекопа. Значение прорыва увеличивалось еще совпадением его по времени с прорывом 30-й стрелковой дивизии красных на Джанкойском направлении, ликвидировать который также не удалось белым.

Врангелю ничего больше не оставалось делать, как начать свой отход к портам посадки, что он и поспешил исполнить...»

По утверждению Врангеля в интервью, данном представителям русской и иностранной печати сразу по прибытии в Константинополь, «всего на Перекопских позициях армия потеряла половину своего состава (то есть около 22,5 тысячи человек. — Б. С.), из коего около 5 тысяч убитыми», а с советской стороны убитых было как минимум вдвое больше.

Уже зная, что предстоит эвакуация, Врангель 28 октября прибыл в Севастополь и сделал заявление представителям русской и иностранной прессы: «Армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку Московских палачей, оставленная всем миром, истекает кровью...»

По свидетельству Н. Е. Какурина, вслед за этим белые ста-

ли быстро отходить к портам. Отступающим удалось значительно оторваться от Красной армии: «Рассредоточив свою погрузку по всем портам Крыма, Врангель в течение 5 дней, с 10 по 15 ноября, успел произвести эвакуацию своих главных сил и беженцев в количестве до 83 тысяч человек». Когда 15 ноября красноармейский авангард 6-й армии вступил в Севастополь, он застал там уже местный ревком, так как последние суда противника ушли из него 14 ноября. Правда, были брошены почти все военные запасы, отставшие части и большое количество беженцев. 16 ноября войска Красной армии заняли всю территорию Крыма.

Какурин считал, что оборона крымских перешейков могла бы затянуться на более долгий срок, если бы были лучше учтены свойства местности (в частности, осушение Сиваша под влиянием ветров) и в соответствии с ними распределены войска (слабый отряд Фостикова не поставлен на опасном направлении). Однако даже если бы Литовский полуостров защищало более сильное соединение, его оборона в лучшем случае продлилась бы еще несколько дней — превосходство красных было слишком велико. Врангель пытался усилить угрожаемые направления за счет перегруппировки, но не успел ее завершить до начала советского наступления. Поэтому перегруппировка только ослабила Русскую армию в момент отражения первого советского удара. Вероятно, Слащев был прав, когда предлагал оставить войска на тех местах, куда они отступили из Северной Таврии.

Советский историк также полагал, что заранее разработанного плана эвакуации у Врангеля не было, как его не было у Деникина. Сравнительно более успешное ее проведение историк объясняет тем, что первый имел в своем распоряжении несколько портов, тогда как второй вынужден был производить эвакуацию только из одной точки — Новороссийска.

На самом же деле план эвакуации у Врангеля существовал и начал постепенно претворяться в жизнь еще в период отступления из Северной Таврии. Епископ Вениамин вспоминал, как барон на последнем заседании правительства заявил, что еще в июле благоразумно дал приказания о подготовке кораблей: «Нужно было мобилизовать все суда, способные плыть через Черное море. Обеспечить их топливом, водой, пропитанием и надежным составом обслуживающих лиц. Распределить суда по разным портам — от Керчи до Евпатории, заранее дать расписания военным частям, где кому садиться, и самому уехать последним. Этим заведовал, кажется, скромный генерал Шатилов».

Вернувшись 28 октября из Джанкоя в Севастополь, Вран-

гель дал распоряжение войскам занять административные здания, почтамт, телеграф и выставить караулы на пристанях и железнодорожном вокзале.

Конечно, Врангелю существенно помогло то, что ему удалось рассредоточить эвакуацию. 29 октября после двухчасового разговора с командующим французской эскадрой адмиралом Дюменилем главнокомандующий приказал войскам оторваться от противника и следовать к портам погрузки. 1-й и 2-й армейские корпуса направлялись в Евпаторию и Севастополь, Конный корпус — в Ялту, бригада генерала Фостико-ва и другие кубанские части — в Феодосию, Донской корпус и Терско-Астраханская бригада — в Керчь.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал М. А. Кедров распределил тоннаж судов по портам. Врангель приказал разработать порядок погрузки тыловых военных и гражданских учреждений, больных, раненых, ценнего имущества, запасов продовольствия и воды.

Утверждение историка Какурина, что не удалось эвакуировать военные запасы, в частности артиллерию, справедливо лишь отчасти: их в значительной мере и не собирались эвакуировать за невозможностью использовать в эмиграции (нельзя же было всерьез рассчитывать на продажу французам их же снарядов). По сравнению с организацией новороссийской эвакуации Врангель достиг выдающихся результатов — посадка на корабли осуществлялась в полном порядке.

Думается, что красные командиры не случайно предоставили Врангелю своеобразный «золотой мост» для эвакуации из Крыма. Они не хотели больше губить своих людей, которых и так полегло несчетно в последних боях в Северной Таврии и при штурме перешейков. Раз врангелевцы бегут к портам — значит, сами оставляют Крым и войне конец. Так зачем же зря губить людей? 1-я Конная армия, например, была так ослаблена потерями, понесенными во время прорыва врангелевцев в Крым, что в штурме Перекопа участия не принимала и была способна лишь на преследование, да и то довольно вялое, отходившего противника. Несомненно, успеху эвакуации способствовало то обстоятельство, что после прорыва юшуньских укреплений командующие советских армий, ворвавшихся в Крым, дали 12 октября своим войскам день на отдых. Это позволило врангелевцам оторваться от противника и проводить крымскую эвакуацию, в отличие от новороссийской, не под огнем красных. Памятные нам по фильму «Бег» эпизоды, когда последние врангелевцы грузятся на суда, отстреливаясь от наседающих красных, — плод творческого воображения режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова. Возмож-

но, они вдохновлялись в том числе и поэмой Владимира Маяковского «Хорошо!», где описана паническая эвакуация из Севастополя под обстрелом советской артиллерии:

На рейде
транспорты
и транспорточки,
драки,
крики,
ругня,
мотня, —
бегут
добровольцы,
задрав порточки, —
чистая публика
и солдатня.
У кого —
канарейка,
у кого —
роялина,
кто со шкафом,
кто
с утюгом.
Кадеты —
на что уж
люди лояльные —
толкались локтями,
крыли матюгом.
Забыли приличия,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто —
без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,
солдат
полковника
сбивает с мостков.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон...

Ничего подобного в Севастополе не было. Маяковскому нужна была картина именно панического бегства последних белых полков из Крыма, и он воспользовался описаниями предыдущей, действительно провальной эвакуации деникинских Вооруженных сил Юга России из Новороссийска в марте 1920-го, просто заменив Новороссийск на Севастополь.

Эпизод же с солдатом, сбивающим полковника с мостков пристани, мы находим в мемуарах бывшего офицера-дроздовца Георгия Давыдовича Венуса «Война и люди», изданных в Берлине в 1925 году, как раз в главе о новороссийской эвакуации: «На берегу, охраняя пристань, стояли юнкера Донского военного училища. За ними чернела толпа... И вдруг среди молодых, сильных голосов запрыгал старчески-дребезжащий: “Прикладом?.. Прикладом, молокосос? Меня?.. Полковника?”». Аналогичный рассказ есть и в мемуарах И. М. Калинина «Русская Вандея», опубликованных Госиздатом в 1926 году:

«Как только красные обошли Крымскую, как всякие “крепостоносцы”, “формирователи”, генералы-от-спекуляции, штаби обер-хулиганы, попы, грабители, дамы-патронессы, дамы-проститутки хлынули на приготовленные для них пароходы, таща за собой горы благоприобретенного под знаменами Деникина имущества. Когда бешеный поток беглецов докатился до Новороссийска, город уже опустел...

Утра 13 марта в жизнь не забыть. Десятки тысяч народу, конных и пеших, запрудили портовую набережную, атакуя пристани, возле которых грузились остатки великой и неделимой. Но донцы везде видели перед собой добровольческие пулеметы или штыки шотландских стрелков.

А из гор выплывали всё новые и новые тысячи. Люди стремительно соскачивали с подвод, бросали всё свое добро и по одиночке устремлялись к пристаням.

Тщетно!

В безумном ужасе иные бросались в воду. Упрямых сбрасывали с пристаней. Корниловцы утопили донского полковника:

— Самостийник, сволочь! Залез к гвардии.

Всевеликое, при грохоте английских пушек, пугавших зеленых, металось из стороны в сторону».

Как видим, и здесь речь идет о мартовской эвакуации.

В Севастополь 28 октября на крейсере «Валдек-Руссо» прибыл командующий французской Средиземноморской эскадрой адмирал Дюмениль. Французский комиссар де Мартель выразил согласие принять всех эвакуированных из Крыма под покровительство Франции. Для покрытия расходов на содержание армии и беженцев французское правительство собиралось взять в залог российские суда.

Атмосферу последних дней белого Крыма хорошо передают дневниковые записи Н. Н. Чебышева. Вечером 20 октября он был вызван в отдел печати к Вернадскому, который известили об отходе белой армии за Перекоп и сообщил, что «надо подготовить общественное мнение». Чебышев отметил, что

паники при эвакуации не было, хотя определенная неразбериха и наблюдалась:

«...Утром 29 октября сидел в редакции. Новое помещение послужило для единственной “редакционной” работы: для “редактирования” списков подлежащих “вывозу” сотрудников газеты. Львов принес общий “пропуск” на всех от генерала Скалона. Пароход “Рион”. Обедал у Герсевановой на Никольской. Бритый длинноносый инженер заявил, что эвакуация отменена. Кто-то с упоением передавал текст телеграммы, присланной откуда-то Слащевым: “Красную сволочь гоню, тыловой сволочи приказываю разгружаться”. Говорили о повороте счастья, о наших успехах. Всё было типично глупо. После Седана громадная тысячная толпа в Париже на стенах биржи читала телеграмму “собственными глазами” о грандиозной французской победе.

Зашел домой на Нахимовский проспект, где нашел чью-то записку. В записке значилось, что я должен явиться на английский миноносец “Сераф” или “Серапне” — трудно было разобрать название. Указано было, что явиться должен я не позже 6 часов вечера.

Шел шестой час вечера. Название миноносца было неразборчиво. Где его тут искать в сумерках по бухтам? Записка у меня валялась с утра.

У Левитского в квартире был целый товарный склад: это были вещи, свезенные сотрудниками. Для крымской эвакуации характерно спокойствие, отсутствие малейших признаков паники. Все были убеждены, что *Врангель вывезет*.

Мы угрюмо молчали. Львов крутил папиросы и покуривал. Потом Львову и мне дали знать, что нас вызывает генерал Скалон. В приемной Скалона была толпа народа. Оказалось, что Скалон Львова и меня совсем не вызывал. Нам, впрочем, тут же пояснили, что “наверное, вызывал”, но только теперь говорить с нами раздумал. Мы с Львовым пошли в управление внутренних дел — неизвестно зачем. Львов куда-то исчез, и я один пустился в обратный путь к Левитским. Наступила ночь, но теплело и ветер стихал.

По дороге совершенно случайно зашел во дворец узнать о положении на фронте. Кривошеин пил чай. Я с ним посидел. Он мне сказал, что сейчас уезжает — ему оставлено место на “Сераписе”. Это был мой миноносец! Значит, он еще не ушел? Кривошеин должен был отправиться на “Серапис” на паровом катере. Я ему сообщил о найденной мною у себя загадочной записке, где мне предлагалось явиться на “Серапис”. Кривошеин предложил отвезти меня с собой на паровом катере. Я колебался.

В это время ко мне вышел Врангель. Отвел меня в кабинет.

— Наше дерево было здоровым, оно подсечено обстоятельствами, от нас не зависящими, подавляющим превосходством сил.

Он кусал носовой платок, но говорил спокойно. Глядя на меня, что-то соображал.

— Александр Васильевич сейчас едет, поезжайте с ним, подымите шум в иностранных газетах — надо подготовить Европу к принятию армии. На английском крейсере вы будете скорее в Константинополе.

Я простился с ним. Во дворце, снизу доверху освещенном, чувствовалось, что происходит что-то необычное, но всё было прилично. Никто не волновался и не суетился. Скорее впечатление дома, где сейчас начнется бал. Ротмистр Толстой поехал к английскому адмиралу справиться, поспеет ли Кривошеин.

Кривошеин сидел мрачный. Я его утешал. Указывал на то, что для дела такой исход лучше, чем постепенный развал тыла, зимовка и голодовка в отрезанном от мира Крыму. Невозможное экономическое положение всё равно создало бы осложнения, растравляемые постоянной угрозой прорыва позиций.

Толстой долго отсутствовал. Привез любезный ответ адмирала Гоппа, что он примет Кривошеина и его спутников, снимается же судно с якоря в полночь. Одновременно выяснилось, что это не миноносец “Сераф” и не “Серапис”, а крейсер “Кентавр”.

Мы на автомобиле выехали на Графскую пристань. Выехали туда зря. Нас было четверо: Кривошеин, его сын Игорь, И. И. Тхоржевский и я. На Графской пристани катера главно-командующего не оказалось. Сели во французскую моторную лодку, поддерживавшую связь с другой стороной бухты. Иско-лесили всю бухту, но “Кентавра” не нашли. Француз-офицер уверял, что “Кентавр” ушел днем.

Вернулись на Графскую пристань. Игорь Кривошеин пошел во дворец за разъяснениями. Оказалось, что катер ждет нас на “минной” пристани. Катер, действительно, там нас ждал. Отвалили. До полуночи оставалась всего четверть часа.

“Кентавр” стоял в Стрелецкой бухте за Херсонесом. Катер шел полным ходом. Из трубы вырывались искры и пламя. Бухта и берега были погружены во мрак.

Вдруг вырисовался в темноте крейсер, сиявший электрическими огнями. Освещение военных судов напоминает иллюминацию.

У трапа Кривошеина встретил адмирал со штабом. Нас провели к адмиралу в салон, где горел огонь в печке-камине. Когда мы уселись в мягкие кресла и протянули ноги к огню,

нервы стали разматываться и приходить в норму. Кривошеин спал на диване одетый. Мы с Тхоржевским — в креслах. Я сразу заснул. Ночью проснулся. Крейсер шел. Мы оставили Россию, на этот раз надолго».

По свидетельству Чебышева, на крейсер село около сорока севастопольцев. Если бы Врангель начал эвакуацию планомерно и растянул ее на несколько недель, то тот же «Кентавр» смог бы совершить несколько рейсов по маршруту Крым—Стамбул (от Севастополя до Босфора крейсер дошел менее чем за 15 часов) и спасти от красного террора тысячи беженцев.

Епископ Вениамин вспоминал об этих днях с большей иронией по отношению к Врангелю:

«В тыл прошли слухи, что на фронте неладно. Архиереи, члены Синода, полуслухи, но со страхом говорят мне:

— Пойди узнай у своего Врангеля: каково военное положение?

Я пошел. Генерал ходил по кабинету Большого дворца. Спрашиваю.

— Отлично! Только чудо может помочь большевикам. Перекоп и Джанкой неприступны!

Возвращаюсь к архиереям, утешаю их: всё прекрасно! Они благодушно разъезжаются опять по монастырям, где жили.

Проходит еще месяц. Слухи всё ухудшаются. И тут вдруг в октябре наступили небывалые на юге морозы. Наша армия не была подготовлена к ним. И пришли известия, что мы отступаем под натиском красных, которыми командовал Фрунзе.

Синод снова собирается.

— Пойди спроси у Врангеля!

Иду... Ходит нервно, но сдержанно.

— Каково положение?

— Конец! Только чудо может помочь нам! — кратко отвечает генерал.

— Как же вы недавно говорили, что чудо может помочь большевикам?

— Ну, что же? Разве я буду открывать всем карты? Положение безнадежное, силы неравны. Я ожидал этого с самого начала, как помните. Теперь остается надеяться лишь на чудо. Ну, а достойны ли мы чуда, это, владыка, вам как архиерею лучше полагается знать, чем мне, — с ласковой шуткой сказал он. — Нужно укладываться для немедленной эвакуации, у меня уже всё заранее подготовлено. Так и скажите владыкам.

Я сказал... Переполох... Недовольство Врангелем! А в сущности, чем он виноват? Ничем».

Двадцать девятого октября главнокомандующий издал приказ-воззвание:

«Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

Одновременно было выпущено правительственные сообщение:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Всё это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, остаться в Крыму».

Тем временем Реввоенсовет Южного фронта 28 октября (10 ноября) направил из Мелитополя радиограмму генералу Врангелю, предлагая сдачу и гарантируя всем сдающимся в плен солдатам и офицерам Русской армии, включая ее высший командный состав, полное прощение, жизнь и неприкосновенность. В случае отклонения «делаемого честного предложения» на барона возлагалась «моральная ответствен-

ность за все возможные последствия». Получив это сообщение, главнокомандующий распорядился закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживающей офицерами.

На следующий день по радио было направлено еще одно обращение Реввоенсовета фронта к врангелевским войскам с призывом к добровольной сдаче:

«Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Но мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом».

Подобного рода гуманизм не понравился политическому руководству Советской России, и уже 30 октября (12 ноября) Ленин шифром по прямому проводу направил в РВС Южного фронта секретную телеграмму, в которой выразил свое возмущение неоправданно мягкими условиями сдачи: «Только что узнал о вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и не выпускать ни одного судна. Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

Вечером 29 октября (13 ноября) 1920 года состоялось последнее заседание правительства Юга России, запомнившееся епископу Вениамину:

«Перед концом генерал Врангель созвал высших своих сотрудников, министров, генералов, а также и митрополита Антония со мной. Спокойным твердым тоном он сказал коротенькую речь, которую начал словами: “И для героев есть предел!” И объявил, что всё кончено. Пароходы для армии и граждан, желающих эвакуироваться, готовы...

— А теперь слово за морским министром, адмиралом Кедровым!

Он был еще молод, но умен, энергичен и знал свое дело. Тот сообщил нам еще некоторые подробности. Оставался вопрос лишь о погоде.

— По морской науке в ноябре полагается лишь два-три-четыре дня спокойных, остальные — бурные. И я за это уж не ручаюсь, не от меня зависит.

К счастью, все пять-шесть дней пути по Черному морю была неожиданно спокойная погода».

Погрузка на корабли гражданских и военных тыловых учреждений началась 30 октября. Потеплело, на море был полный штиль, что дало возможность использовать все суда и

баржи, которые могли держаться на воде. Крупные корабли загружали под завязку. Так, пароход «Владимир», рассчитанный на 700 пассажиров, принял на борт шесть тысяч человек. Часть людей была посажена на французские, английские, американские корабли. Погрузка прошла организованно и спокойно.

Рано утром 1 (14) ноября 1920 года Врангель принял последний парад на родной земле. В Севастополе на площади перед гостиницей построились его личный конвой, Новочеркасское Атаманское училище и оставшиеся вне наряда юнкера Сергиевского училища.

Главнокомандующий вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним шли чины его штаба.

Обходя фронт, генерал остановился перед атаманцами и, по воспоминаниям одного из юнкеров, обратился к ним с краткой речью:

«Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я и тем более не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники... Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут ее от красного ига. Мы же сделали всё, что было в наших силах, в кровавой борьбе за судьбу нашей родины...

Теперь с Богом. Прощай, русская земля».

Сам Врангель свою речь на последнем параде передает следующим образом: «Оставленная всем миром обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам».

На 28 октября (10 ноября) 1920 года в боевых частях Русской армии насчитывалось 14 650 пехотинцев, 14 305 кавалеристов, 1325 пулеметов, 215 легких и 22 тяжелых орудия. Врангель отказался от эвакуации артиллерии и большей части пулеметов, но вывез из Крыма большинство бойцов. В интервью, данном 19 ноября 1920 года, барон утверждал: «Несмотря на мое запрещение, Кубанские части погрузили без моего ведома 10 орудий, о существовании которых я узнал только по

прибытии в Константинополь. Взяты также были почти все пулеметы. Само собою разумеется, что ни один из солдат с винтовкой не расставался». Орудия, естественно, пришлось сдать французским властям.

Число эвакуированных из Крыма Н. Е. Какурин занизил почти вдвое. Реально Врангелю удалось вывезти с полуострова, не считая членов судовых команд, 145 693 человека. В это число входили около пяти тысяч раненых и больных и более ста тысяч гражданских лиц и военных чинов, не находившихся на службе или служивших в тыловых учреждениях. Среди эвакуированных было более двадцати тысяч женщин и около семи тысяч несовершеннолетних детей. В числе военнослужащих было эвакуировано до пятнадцати тысяч казаков, до двенадцати тысяч офицеров, до пяти тысяч солдат регулярных частей. Все они входили в боевой состав Русской армии. Кроме того, было вывезено более тридцати тысяч офицеров и чиновников тыловых частей, десять тысяч юнкеров. Среди гражданских лиц преобладали семьи офицеров и чиновников. Для эвакуации было задействовано 126 судов военного и торгового флотов.

За время боевых действий с 15 (28) октября по 3 (16) ноября войска советского Южного фронта взяли в плен 52,1 тысячи солдат и офицеров Русской армии, включая оставшихся в городах Крыма после эвакуации.

По мнению генерала Я. А. Слащева, изложенному в книге «Требую суда общества и гласности», причины краха Белого движения заключаются в том:

«1) что некоторые начальники не имели в себе достаточно-го гражданского мужества своевременно сойти со сцены (явный намек на Врангеля. — Б. С.);

2) что ради своих личных интересов губили общее дело и умышленно, повторяю, умышленно отвергали всякий совет, исходивший от старых защитников Крыма (в частности, лично я в августе указывал генералу Шатилову по карте направление главного удара красных Каховка—Сальково, а затем неоднократно указывал на необходимость второй базы — Украины);

3) что в вопросах о Перекопской позиции проявили преступную халатность, не приняв соответствующих мер к ее соответствующей подготовке, к чему и времени и средств было больше чем достаточно;

4) что в вопросах по снабжению войск теплою одеждой проявили медленность и нераспорядительность, в результате чего войска остались наполовину неодетыми и настроение войск понизилось, а вместе с тем понизилась и их боеспособность;

5) что, предрешив вопрос об эвакуации Крыма еще за три

недели до ее начала, не отвели войска своевременно на перекопские позиции и пожертвовали тысячами жизней героев за свою недальновидность и полную неспособность к надлежащей оценке политической и стратегической обстановки, и, наконец,

6) в том, что проявили полную растерянность в момент, когда можно еще было спасти положение (мой совет о десанте в Одессу) и когда можно было бы продолжать оборону Крыма, если бы вожди дали личный пример армии, а не отдавали приказа “спасайся кто может!”».

Безусловно, к просчетам Врангеля, на которые совершен-но справедливо указывает Слащев, относится то, что он не по-заботился вовремя привести в порядок укрепления на крымских перешейках, поставить там тяжелую артиллерию, построить землянки для их защитников и обеспечить их теплой одеждой. С бывшим генералом можно вполне согласиться и в том, что поскольку решение об эвакуации было принято за три недели до ее начала, после получения известия о советско-польском перемирии, то необходимо было сразу же отвести войска в Крым. Тогда оборонять перешейки надо было лишь столько времени, сколько требовалось, чтобы вывезти из Крыма действительно всех желающих. В этом случае не только не погибли бы напрасно «тысячи героев» в Северной Таврии, но и удалось бы спасти десятки тысяч беженцев от последовавшего красного террора. Если бы за перешейками оказалась вся Русская армии, со всеми своими орудиями, пулеметами и снарядами, а не половина ее, как это произошло после поражения Врангеля в Северной Таврии, то защитники Крыма продержались бы не шесть дней, а около трех недель. Тогда времени на эвакуацию осталось бы более чем достаточно, тем более что ее можно было бы начать с беженцев и тыловых учреждений еще до того, как войска отошли за крымские перешейки. Каждое судно успело бы совершить по несколько рейсов, и можно было вывезти не 150 тысяч человек, а в два-три раза больше, то есть практически всех беженцев и военнослужащих. Тогда и жертв красного террора в Крыму было бы на порядок меньше. Отметим также, что Врангелю очень повезло с погодой. Если бы море было бурным, то при проведении эвакуации пришлось бы ограничиться гораздо меньшим количеством кораблей и еще десятки тысяч беженцев остались бы на берегу. Да и при переходе в Константинополь тогда бы погиб не один эсминец «Живой», но и еще несколько перегруженных транспортов, и тысячи солдат и беженцев нашли бы свою смерть в черноморской пучине. Но, слава богу, все обошлось.

Последовавшее после прорыва красными перекопских позиций обращение от имени правительства, акцентировавшее внимание потенциальных беженцев на трудностях жизни на чужбине и неопределенности будущего остатков русской армии, содержало прямой призыв остаться всем, кто не опасается репрессий со стороны советской власти. А ведь Врангель хорошо знал, что такое красный террор, да и сам в свое время расстреливал пленных красноармейцев сотнями и тысячами. Так что Петр Николаевич хорошо представлял себе, что все листовки Троцкого и Фрунзе с обещаниями амнистии ничего не стоят и что в действительности всем, кто даже косвенно был связан с Белым движением и остался в Крыму, угрожает смертельная опасность. Правда, большинство военнослужащих деникинской армии, захваченных в Новороссийске, включая офицеров, были не расстреляны, а мобилизованы в Красную армию и направлены на Польский фронт. Но тогда красные нуждались в них для войны с поляками, против которых, как полагали Ленин и Троцкий, бывшие белые будут сражаться с энтузиазмом как против врагов России. Теперь же война окончилась, и на бывших чинов Русской армии красные смотрели только как на потенциальных заговорщиков и участников антибольшевистских восстаний.

Оставляя в Крыму «балласт» — тех, кто не мог пригодиться в дальнейшей борьбе, — Врангель действовал вполне осознанно. Если бы он вывез в Константинополь 500 или даже 400 тысяч беженцев, ни о каком отдельном лагере, да еще с сохранением оружия солдатам и офицерам, не могло быть и речи. Французы такую ораву не прокормили бы. Значит, выехавших из Крыма сразу перевели бы на положение беженцев, и они рассеялись бы по Европе, осев частью на Балканах, частью в Чехословакии, частью в Германии и Франции. А кто-то сразу перебрался бы в США и страны Латинской Америки. Врангель сразу потерял бы над ними власть и вряд ли смог бы в дальнейшем организовать Русский общевоинский союз (РОВС) в том виде, в каком он был создан в действительности — как боевая, сплоченная и на первых порах достаточно многочисленная организация единомышленников, мечтавших когда-нибудь с оружием в руках вернуться в Россию, чтобы свергнуть большевиков.

С. А. Мацылев дал зарисовку последнего обхода Врангелем портов погрузки:

«Вдруг на горизонте показалась небольшая черная точка, которая быстро росла и приближалась к пристани. Через несколько минут можно было различить, что это военный морской катер. Его начищенная медная труба ярко блестела. За

десяток саженей от берега он повернул и пошел вдоль пристани. На носу стоял Врангель в офицерском пальто и корниловской фуражке, рядом с ним виднелась фигура адмирала Кедрова, командующего Черноморским Флотом.

Сделав всё возможное, чтобы посадить войска на суда, использовав для этого все плавучие средства вплоть до шаланд, которые были взяты на буксир, прежде чем отплыть от берегов Крыма, Врангель решил в последний раз взглянуть, что делается на пристанях и в городе. Погрузить он уже больше никого не мог, все суда были перегружены до отказа...

Толпа на берегу замерла... Большинство взяло под козырек... Какой-то молодой солдатик негромким голосом закричал ура, но его никто не поддержал. Врангель смотрел на обреченных людей, его лицо исказилось от боли и страдания за них... Сделать для них он уже ничего не мог... Он отдал честь, катер повернул и начал быстро уходить в море...»

Свидетельство Мацылева опровергает тот образ покидающего Крым Врангеля, который известен нам по поэме Маяковского «Хорошо!»:

Глядя
на ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.
Город бросили.
На молу —
голо.
Лодка
шестивесельная
стоит
у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
На оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
Трижды
город
перекрестил...
Под пулями
в лодку
прыгнул.
— Ваше
Превосходительство,
грести?
— Грести...

На самом деле никаких пуль, свистящих над головой главнокомандующего, не было — красные вошли в Севастополь лишь сутки спустя. И мол отнюдь не был пустым — там стояла толпа тех, кто не захотел или не смог уехать. Маяковский просто повторил хрестоматийный образ «черного барона». В действительности Петр Николаевич был во время прощания с родной землей не в кубанской, а в армейской форме. Ведь теперь ему уже незачем стало подчеркивать свое единство с кубанскими казаками, а важнее было продемонстрировать свою солидарность с армейцами, которых было большинство среди будущих галлиполийцев и членов РОВСа. Поэтому корниловская фуражка была уместнее казачьей папахи. Ведь именно «цветные» полки должны были стать наиболее надежными кадрами военной эмиграции.

Между прочим, импресарио Маяковского П. И. Лавут, со слов которого поэт описал эвакуацию Севастополя, в своих мемуарах не говорит, что Врангель был одет в свою традиционную черкеску. Вот что пишет Павел Ильич: «15 ноября, в первом часу дня, только я вышел из своей квартиры, вижу — на противоположной стороне Большой Морской идет Врангель в направлении Нахимовского проспекта. Вначале я даже усомнился: он ли это? Почему без свиты? Но, взглянувшись, я убедился, что спереди и сзади, на почтительном расстоянии, стараясь быть незамеченной, следует его охрана. Со мной был мальчик лет двенадцати. Вместе с ним мы прошли весь Нахимовский проспект, очутились у Графской пристани и задержались возле одной из колонн. Врангель спустился по лестнице... У причала ждала моторная лодка. Он быстро сел в нее, а за ним еще двое. Перекрестился. Поцеловал пирс... И лодка набрала скорость. Она мчалась к яхте “Алмаз”».

Из мемуаров видно, что Павел Ильич плохо помнил, во что именно тогда был одет Врангель. По сути, Маяковский задал ему наводящий вопрос, подтолкнувший к ответу:

«— Вы не помните, на Врангеле была черная черкеска или белая?

Я растерялся: что же, он меня проверяет? Я было даже обиделся.

— Не помню точно, — ответил я нехотя. — Кажется, черная».

Если бы вопрос был сформулирован более корректно: «Во что был одет Врангель?» — то, возможно, Лавут припомнил бы, что Врангель был не в черкеске, а в генеральском пальто. Лавут так и пишет: «Думаю, что в эти дни окончательно оттачивалась шестнадцатая глава (поэмы «Хорошо!». — Б. С.). Если бы я засвидетельствовал, что Врангель был не в черной черке-

ске, а в белой, то в поэме, надо полагать, осталась бы всё равно черная — не только из-за переклички двух “чер” (черная черкеска), а потому, что именно этот штрих хорошо вяжется со всем обликом “черного барона”».

На самом деле Врангель был в армейской шинели и корниловской фуражке, что засвидетельствовали юнкер-атаманец и С. А. Мацылев. Но в поэме Маяковского и в восприятии советских людей он навсегда остался «черным бароном» в черной черкеске.

Закончить эту главу хочется тоже стихами — на сей раз не Маяковского, а одного из бойцов врангелевской армии, талантливого поэта Владимира Смоленского:

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с Севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И ангел плакал над мертвым ангелом...
Мы уходили за море с Врангелем.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КРЫМУ

Эвакуация из Феодосии была организована хуже, чем из других крымских портов. Даже Кубанский корпус, для эвакуации которого предназначалась Феодосия, погрузился не полностью — не хватило места 1-й Кубанской казачьей дивизии и Терско-Астраханской бригаде. К счастью, они успели дойти до Керчи и там сесть на корабли. Но в Феодосии остались тысячи отставших от своих полков солдат и офицеров, тыловые учреждения, госпитали, отдельные команды и подразделения, семьи военнослужащих и чиновников. В плен попали 2-й армейский запасной батальон, тыловые части 52-го пехотного Виленского полка, до ста чинов Одесских пулеметных курсов, Сырецкий госпиталь Красного креста и другие части и учреждения.

Утром 16 ноября в город вошли части 9-й стрелковой дивизии Красной армии во главе с Н. В. Куйбышевым. Всего они взяли в плен в Феодосии 12 тысяч человек. По приказу комиссара дивизии М. Лисовского на городском железнодорожном вокзале были расстреляны 100 солдат и офицеров, не успевших эвакуироваться. Но это было только начало. Вскоре приступили к планомерной ликвидации «белогвардейцев».

Всего после эвакуации в Крыму остались 2009 офицеров и 52 687 солдат Русской армии. Кроме того, в госпиталях наход-